

ОРДЕНА ЛЕНИНА
ВЫСШАЯ ПАРТИЙНАЯ ШКОЛА при ЦК КПСС

Кафедра журналистики и литературы

ПАРТИЙНЫЕ ПУБЛИЦИСТЫ

А. К. БЕЛКОВ

**ВАЦЛАВ
ВАЦЛАВОВИЧ
ВОРОВСКИЙ**

713273

**ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МЫСЛЬ»
МОСКВА 1971

ЗКП1
Б 43

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВПШ и АОН при ЦК КПСС

Редакционная коллегия:
А. З. Огороков (главный редактор),
Б. П. Балувев, Б. П. Вевевкин, А. А. Круглов

ПАРТИИ ВЕРЕН ДО КОНЦА

Вацлав Вацлавович Воровский — профессиональный революционер, пламенный пропагандист марксизма-ленинизма, один из первых советских дипломатов — был выдающимся партийным публицистом. В. И. Ленин в статье «О большевизме» (1913 г.) в числе «главных писателей большевиков» назвал П. Орловского (литературный псевдоним В. В. Воровского)¹. Вацлав Вацлавович в письме Н. Л. Мещерякову в 1923 г., незадолго до своей гибели, шутливо писал: «...неблагодарное потомство готово увековечить мою память как великого дипломата, тогда как я всегда считал себя гениальным публицистом»².

Беззаветный борец за свободу рабочего класса, Воровский весь свой большой талант публициста отдал великому делу ленинской партии. А. В. Луначарский, характеризуя Вацлава Вацлавовича, отмечал: «Воровский — это страстный политический деятель и борец. На свою литературную работу и в частности на свои критические статьи он смотрит как на существенный элемент своей общественно-революционной деятельности»³.

Прекрасен облик Воровского — партийного публициста, революционера, человека. Вацлав Вацлавович был широкообразованным марксистом-ленинцем. Он глубоко знал историю, литературу, искусство, хорошо разбирался в различных областях естественных наук, в вопросах

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 279—280.

² В. В. Воровский. Соч., т. I. М., 1931, стр. IV.

³ А. Луначарский. Вацлав Вацлавович Воровский как литературный критик. — В. В. Воровский. Соч., т. II. Предисловие. М., 1931, стр. VII.

техники, в совершенстве владел шестью языками: немецким, французским, английским, итальянским, польским и шведским.

Воровскому были присущи многие замечательные и благородные черты, характер и воля смелого, закаленного борца, способного на подлинный героизм и самопожертвование. В то же время ему было глубоко чуждо тщеславие. По-ленински простой и скромный, он питал отвращение к любой пустой и напыщенной фразе. А. В. Луначарский писал, что рабочему классу Воровский «скромно, но беззаветно принес в дар свою высококоразвитую личность, богатство своего ума и знаний»¹.

* *
*

В. В. Воровский родился 15(27) октября 1871 г. в Москве. Его жизненный путь многогранен. Коснемся лишь той стороны биографии Вацлава Вацлавовича, которая связана непосредственно с революционной работой, печатью и публицистической деятельностью.

В революционной борьбе Воровский начал участвовать с 1890 г. В это время он учился в Московском университете. Но особенно активно Вацлав Вацлавович проявил себя в революционном студенческом движении, будучи студентом Московского высшего технического училища (1891—1897 гг.). Именно в тот период сформировалось его мировоззрение. Он становится социал-демократом, присоединяется в 1894 г. к марксистскому «Рабочему союзу». По поручению этой организации Воровский выезжал в 1896—1897 гг. за границу, налаживал связи с группой «Освобождение труда» и организовывал доставку нелегальной литературы в Москву.

В апреле 1896 г. Воровский был впервые арестован, а затем сослан на три месяца в Вологду. Впоследствии он неоднократно преследовался царским правительством: три раза арестовывался и дважды отбывал ссылку. Вацлав Вацлавович был непоколебимым большевиком-ленинцем, пропагандистом революционного марксизма. Первое его выступление в печати — «Письмо в редакцию», опубликованное в легальном журнале «Жизнь» в 1901 г. В нем Воровский резко полемизировал с буржуазным либералом П. Струве.

В период подготовки II съезда партии Воровский ра-

¹ А. Луначарский. Вацлав Вацлавович Воровский как литературный критик. — В. В. Воровский. Соч., т. II. Предисловие, стр. V.

ботал агентом «Искры», а после съезда вместе с В. И. Лениным и Г. В. Плехановым выпускал ее 46—51-й номера. В № 48 «Искры» за подписью «П. Орловский» появилась его статья «Новое финальное отделение Бунда», а затем в двух номерах газеты (49 и 51) под рубрикой «Из русской жизни» были напечатаны еще две его статьи.

В первый же день приезда в Женеву в 1903 г., где в это время находилась редакция «Искры», Воровский сказал своим товарищам по поводу меньшевиков: «Не забираться же в это болото и квакать там вволю. Конечно, надо всем помогать Владимиру Ильичу... Он, и никто другой, выведет нашу партию на широкую дорогу. Ему опять придется писать новое «Что делать?»»¹

Произошла встреча Воровского с Лениным. В. Д. Бонч-Бруевич вспоминал: «Свидание это быстро состоялось, и тут же закрепились прекрасные отношения между Вацлавом Вацлавовичем и Владимиром Ильичем, и они оставались такими же все дальнейшее время»².

С помощью Плеханова «Искра» была захвачена меньшевиками, вставшими на путь срыва решений II съезда РСДРП. Вацлав Вацлавович активно участвовал в борьбе с меньшевиками-раскольниками, окопавшимися в редакции новой, оппортунистической «Искры» и в других захваченных ими партийных центрах. Большую роль при этом сыграла его брошюра «Совет против партии», выпущенная осенью 1904 г. партийным издательством большевиков («Издательство социал-демократической и партийной литературы В. Бонч-Бруевича и Н. Ленина»). В. И. Ленин в то время писал: «Совет прямо срывает съезд (имеется в виду подготовка III съезда РСДРП. — А. Б.): кто не убедился еще в этом из чтения его последних постановлений в приложении к №№ 73—74 «Искры», тот увидит это из нашей (вышедшей на днях) брошюры Орловского: «Совет против партии»»³.

Из сказанного видно, что уже первые свои шаги в журналистской деятельности Воровский сделал под руководством В. И. Ленина, вступив в славную когорту партийных публицистов.

¹ Цит. по: В. Бонч-Бруевич. На славном посту. М., 1931, стр. 18—19.

² Там же, стр. 19.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 103—104.

В 1904 г. Воровский активно сотрудничал в социал-демократическом журнале «Рассвет», который издавал В. Д. Бонч-Бруевич. В первом же номере была напечатана его статья «Как царя встретили за границей», подписанная псевдонимом П. Орловский.

Яркая страница в жизни Воровского — его публицистическая деятельность в период первой русской революции. Под руководством В. И. Ленина, вместе с М. С. Ольминским и А. В. Луначарским он участвовал в издании большевистских газет «Вперед» и «Пролетарий», выходявших в 1905 г. в Женеве. Причем Вацлав Вацлавович был не только членом редакций этих газет, но и одним из их ведущих публицистов. По свидетельству М. С. Ольминского, и «Вперед», и «Пролетарий» испытывали нехватку литературных сил, из-за чего В. И. Ленину приходилось для каждого номера писать по несколько статей: «...из числа редакторов Луначарский много времени проводил в Италии, Ольминский был загружен черной редакционной работой; оставались только Ленин и Воровский. Посторонних сотрудников мало появлялось»¹.

Вацлав Вацлавович стремился всемерно помочь Ленину в обеспечении газет необходимыми публицистическими материалами. Сам он выступал почти в каждом номере. П. Н. Лепешинский вспоминал: «Редкий номер газеты выходил без статьи Воровского. Наряду с бурно-пламенным и долбящим противника по звонкой башке очередным выступлением самого Владимира Ильича, или бок о бок с фейерверками передовиц А. В. Луначарского и в мирном сожительстве с язвительными галеркинскими выпадами (имеются в виду статьи Галерки — М. С. Ольминского. — *И. В.*) против либерального пенкоснимательства — тут же раскидывались красивые узоры мысли В. В. Воровского, сотканые из вдумчивых марксистских мотивов, из суховатых деловых соображений о лозунгах дня и из прелестной тонкой иронии»². Случалось и так, что Воровский писал ту или иную статью в соавторстве с Владимиром Ильичем. Например, первая часть статьи «Пора кончить» («Вперед» № 1) написана Воровским, а вторая, заключительная, — В. И. Лениным³. На Воровского было возложено редак-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 91, оп. 1, ед. хр. 41, л. 8.

² Цит. по: *И. Верховцев. Жизнь, отданная великому делу. М., 1959, стр. 66—67.*

³ См. *В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 9, стр. 144—148.*

тирование последних (25-го и 26-го) номеров «Пролетария», когда В. И. Ленин и другие члены редакции газеты выехали из Женевы в Россию.

Большую журналистскую работу Вацлав Вацлавович вел в легальной большевистской печати 1905—1907 гг. В ноябре—декабре 1905 г. он входил в состав редакционной коллегии ежедневной газеты «Новая жизнь», затем участвовал в редактировании «Волны», сотрудничал в газетах «Эхо», «Новый луч», «Простые речи» и др. Вспоминая об этой деятельности Воровского, В. Д. Бонч-Бруевич писал: «В ноябре он (Воровский. — А. Б.) двинулся в Россию, где тотчас же принял участие в редактировании и в сотрудничестве газеты «Новая жизнь», которую начал издавать М. Горький вместе с писателем Минским, под редакцией П. П. Румянцева. Когда приехал Владимир Ильич, он круто изменил неопределенно-радикальный курс газеты на большевистский. Вацлаву Вацлавовичу был поручен иностранный отдел.

Последовательно он принимал участие во всех наших большевистских газетах, издававшихся в Петербурге.

Помимо газет, где он помещал свои остроумные статьи не только под псевдонимом П. Орловский, но нередко подписывал их псевдонимами «Фавн», «Адамович», он также писал в наших еженедельниках, сборниках, альманахах и проч.

Так, когда мною был организован уже в Петербурге иллюстрированный еженедельный журнал «Наша Мысль», предназначенный для широких масс, он тотчас близко подошел к редакции журнала и в первый же номер дал статью под заглавием «Государственная дума»¹.

По воле партии Воровский приобретает тогда и первый опыт книгоиздательской деятельности. При создании осенью 1905 г. партийного отдела легального петербургского издательства «Знание» Вацлав Вацлавович вводится в состав возглавляемой В. И. Лениным редакционной комиссии этого отдела. Он активно участвует в подборе книг для выпуска в «Дешевой библиотеке» «Знания». Именно в этот момент у него и появилась мысль осуществить своими силами перевод на русский язык «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. Сделанный им в 1906 г. перевод отличался от предыдущих наибольшей близостью к оригина-

¹ В. Бонч-Бруевич. На славном посту, стр. 25-26.

лу и включал все предисловия авторов к немецким изданиям «Манифеста»¹. Много сил, энергии, находчивости проявил партийный отдел издательства «Знание», чтобы в обход царской цензуры выпустить подготовленную Воровским книгу в свет. Это издание «Манифеста Коммунистической партии» неоднократно перепечатывалось и после Великой Октябрьской социалистической революции².

В 1906—1907 гг. Воровский входил и в состав редакции большевистского партийного издательства «Вперед», находившегося также в Петербурге. В те же и последующие годы он участвовал в работе центральных нелегальных партийных изданий «Партийные известия» и «Пролетарий».

В 1907 г. Воровский возглавил одесскую большевистскую организацию. Под его руководством она вела большую издательскую работу. Хотя и недолго, в Одессе выпускались легальные и нелегальные рабочие газеты: «Одесский рабочий», «Одесский профессиональный вестник», «Наше слово», «Ясная заря», «Рабочий». Вацлав Вацлавович не только редактировал эти издания, но и выступал в них как автор. Я. С. Ганецкий впоследствии вспоминал: «В 1909 году я заезжал к Вацлаву Вацлавовичу с поручениями от Владимира Ильича. Ему приходилось тогда работать в невероятно тяжелых условиях: свирепствующая реакция, расконспированность, слежка охранки, весьма трудное материальное положение и расшатанное здоровье, кругом оппортунисты и ликвидаторы. Но Вацлав Вацлавович не унывал. Со свойственным ему спокойствием и остроумием он рассказывал мне о той обстановке, в которой приходилось ему работать. Я уговаривал его оставить на некоторое время работу и отдохнуть. Но получил лаконический ответ: «Работников у нас здесь мало, нельзя сейчас думать об отдыхе. Пока не подохну или не попаду в «казенную санаторию», работы не брошу...»³. В «казенную санаторию», т. е. в царскую тюрьму, он попал очень скоро, а в 1912 г. Воровского снова отправили в ссылку.

В интересах рабочего движения большевики иногда использовали для своих публикаций либеральную буржуазную печать. В 1907—1909 гг. Воровский часто печатался в газете «Одесское обозрение». На ее страни-

¹ См. «Вопросы истории КПСС», 1966, № 2, стр. 75.

² См. там же.

³ Я. Ганецкий. В. В. Воровский. М., 1925, стр. 33.

цах он поместил большое количество статей и фельетонов на политические и литературные темы, в которых обличал самодержавие, буржуазию, писателей-декадентов. Благодаря этому газета приобрела популярность у рабочих. И вместе с тем за публикацию выступлений Воровского она подверглась преследованиям.

Сотрудничал Вацлав Вацлавович и в ежедневной «политической, литературной и коммерческой» газете «Одесские новости», в которой М. Горький в 1896 г. опубликовал серию очерков о Всероссийской промышленной и художественной выставке. В 1912 г. Воровский умело использовал страницы этой газеты для разоблачения черносотенной реакции. (Следует отметить, что в состав редакций газет «Одесское обозрение» и «Одесские новости» Воровский не входил.)

В 1913 г. Вацлав Вацлавович был досрочно освобожден из ссылки. Вскоре он переехал в Петербург, где стал работать инженером на столичных предприятиях.

В годы нового революционного подъема Воровский активно сотрудничал в легальной большевистской печати: в журналах «Мысль» и «Просвещение», в газете «Звезда», а затем и в «Правде» (декабрь 1913 — июль 1914 г.). Так, в «Мысли» и «Просвещении» были опубликованы его «Литературные наброски», статьи «Еще о Горьком» и «Н. А. Добролюбов», а также рецензия «О природе абсолютизма» на книгу М. С. Александрова (Ольминского) «Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России». В 1910 г. на страницах «Звезды» (№ 4) появилась рецензия Воровского «Две матери» на произведения М. Горького «Мать» и «Васса Железнова».

Началась первая мировая война. Вместе с другими большевиками Воровский пытается возобновить издание журнала «Просвещение». Однако эта попытка успехом не увенчалась.

С 1916 г. Воровский находился в Стокгольме. По предложению Ленина в конце марта 1917 г. он был введен в состав созданного там Заграничного бюро ЦК РСДРП(б). С июня по ноябрь того же года он организовал в Стокгольме регулярный выпуск на немецком языке «Бюллетеня «Правды»» с материалами для европейской социалистической прессы о революционных событиях в России. Там же и тоже на немецком языке в сентябре—ноябре 1917 г. издавался и другой орган Заграничного представительства ЦК РСДРП(б) — жур-

нал «Вестник русской революции». Воровский в его последнем номере опубликовал статью о В. И. Ленине.

Ленин высоко ценил издательскую деятельность Вацлава Вацлавовича. В одном из своих писем в Стокгольм — 29 мая (11 июня) 1917 г. — он настоятельно просил «прислать поскорее бюллетень № 1 (бюллетень «Правды»)»¹. В другом, августовском, письме, адресованном Заграничному бюро ЦК, Владимир Ильич запрашивал: «Сколько №№ издано и на каких языках?.. Доставлялся ли бюллетень в Америку, северную и южную? Пишите обо всем этом подробнее»².

После победы Великой Октябрьской социалистической революции Воровский был назначен полномочным представителем молодой Советской Республики в Скандинавских странах, где и оставался до 1919 г. По возвращении из-за границы он активно включился в строительство новой, советской печати. В 1919—1920 гг. Воровский возглавлял созданное Советским правительством Государственное издательство. Большую заботу он проявлял о выпуске произведений В. И. Ленина, книг и брошюр, пропагандирующих политику партии и правительства, воссоздающих историю революционного движения в нашей стране и т. д.

Сотрудница Петроградского отделения Госиздата О. К. Матюшина, знавшая Вацлава Вацлавовича по партийно-издательским делам еще с 1906 г., вспоминая об одной из встреч с ним в послеоктябрьский период, писала:

«Как-то в начале зимы 1919 года Воровский рассказал мне, что решен вопрос об издании сочинений Ленина.

— Вацлав Вацлавович, да это же замечательно! Ведь книги Ленина спрашивают все время, а у нас нечего дать. Все, что издано в «Жизни и знании», давным-давно разошлось, а больше ничего и нет. Неужели вам удастся в наших условиях выпустить собрание сочинений Ленина? Это же так важно, так нужно! Но бумага, типографии...

Воровский радостно улыбался:

— Для сочинений Ильича все найдем!.. Ольга Константиновна, а вы любую брошюрку Ленина, которая вам попадется, немедленно присылайте мне отдельным пакетом. Надо собрать решительно все!

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 440.

² Там же, стр. 447.

Усталое лицо Вацлава Вацлавовича просияло... Он точно уже видел перед собой собрание сочинений Ленина, стоящее на полках»¹.

Тогда же Воровский говорил о приближавшемся пятидесятилетию Ленина, о том, что Госиздат готовит юбилейный сборник статей к этим дням. «Подумайте, — продолжал он, — как важно, что мы, хорошо знавшие Ильича, сможем рассказать о нашем учителе и друге»².

Руководить Государственным издательством в те годы было очень трудно: не хватало бумаги, типографин работали с большими перебоями, старые опытные специалисты нередко саботировали. Приходилось заново создавать издательский аппарат. Воровский по-партийному боролся с трудностями; деятельность ГИЗа налаживалась. Но не обошлось и без серьезных срывов. В 1919 г., например, издательство выпустило брошюру «III Интернационал. 6—7 марта 1919». В ней содержались материалы I конгресса Коминтерна. Работа была выполнена очень небрежно. В. И. Ленин писал по этому поводу: «Брошюра издана отвратительно. Это какая-то пачкотня. Нет оглавления. Какой-то идиот или неряха, очевидно, безграмотный, собрал, точно в пьяном виде, все «материалы», статейки, речи и в беспорядке напечатал»³. Этот случай послужил серьезным уроком для коллектива Госиздата. Воровский принимал все меры для улучшения издательского дела. Он работал в ГИЗе до лета 1920 г., пока серьезное заболевание на несколько месяцев не вывело его из строя.

В последние годы жизни Воровский вновь был на дипломатической работе, в то же время он продолжал сотрудничать в советской прессе: выступал в «Правде», в журнале «Коммунистический Интернационал» и других изданиях.

10 мая 1923 г. Воровский погиб на боевом посту в Лозанне от руки белогвардейского агента английского империализма. П. Н. Лепешинский, хорошо знавший Воровского, писал: «В другое время и в другой обстановке он, быть может, был бы властителем дум какого-нибудь философско-эстетического кружка и прославился бы прекрасными свойствами своей хорошей, располагающей к себе души, ибо трудно было встретить другого такого человека, который бы своим дружеским и това-

¹ О. Матюшина. Встречи. — «Звезда», 1966, № 11, стр. 122.

² Там же, стр. 123.

³ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 51, стр. 71.

рищеским отношением давал окружающим его близким людям и товарищам так много тепла и света, так много нравственного уюта. Но тревожная волна взбаламученного пролетарским движением моря кинула его на революционную борьбу, которой он отдался всей своей большой душой. И по этому взбаламученному морю стал носиться наш скиталец-революционер, пока, наконец, подлая пуля какого-то исчадия фашизма не пустила его ко дну»¹.

Похоронен Вацлав Вацлавович на Красной площади. В родной Москве ему воздвигнут памятник. Имя выдающегося партийного публициста увековечено учреждением премии имени Воровского, ежегодно присуждаемой Союзом журналистов за лучшие произведения публицистики на международные темы.

¹ «Пролетарская революция», 1923, № 3 (15), стр. VII.

ПАРТИЙНЫЙ ПРОПАГАНДИСТ И ЛЕТОПИСЕЦ РЕВОЛЮЦИИ

Литературное наследие В. В. Воровского весьма значительно. В трехтомнике его сочинений, изданном в 1931—1933 гг., в книгах «Избранные произведения о первой русской революции» и «Литературно-критические статьи» содержится лишь часть произведений. Всего же Вацлавом Вацлавовичем написано свыше 500 статей и других материалов, а также более 10 брошюр и книг. В краткой автобиографии в 1922 г. Воровский указывал: «За 20 лет литературной деятельности мною было написано помимо многих газетных статей, целый ряд журнальных статей как по вопросам марксистской теории, так и по вопросам применения ее к политике и литературе»¹. Публицистическому творчеству Воровского свойственны черты и традиции партийной публицистики ленинской школы.

Еще во время первой ссылки в Вологду в 1896 г. Воровский пробует свои литературные силы. Он пишет литературно-критическую статью о ранних произведениях М. Горького. Как уже отмечалось, его первым выступлением в печати было «Письмо в редакцию», опубликованное в 1901 г. в журнале «Жизнь». С этого времени и началась плодотворная публицистическая деятельность Вацлава Вацлавовича. Свои материалы он подписывал различными псевдонимами: Ю. Адамович, Н. Адамович, П. Орловский, Орленов, Фавн, Кентавр. Происхождение псевдонимов П. Орловский и Орленов связано с пребыванием Воровского в 1912—

¹ Цит. по: *И. Верховцев. Жизнь, отданная великому делу*, стр. 103—104.

1913 г. в ссылке в г. Орлове Вятской губернии (в настоящее время г. Халтурин).

Характеризуя публицистическую деятельность Воровского, следует прежде всего отметить, что она неразрывно связана с его революционной работой. Основное содержание публицистики Воровского, тематику его выступлений в печати определили задачи партии, насущные требования рабочего движения. Большое место в его творчестве занимала пропаганда марксизма-ленинизма. Глубоко зная теорию научного коммунизма, Воровский умело, страстно пропагандировал, разъяснял ее основные положения, выдвигая на первый план наиболее актуальные для того или иного исторического периода вопросы. Блестящими образцами публицистических произведений этого рода являются «Карл Маркс», «Коммунистический манифест», «К истории марксизма в России» и др.

В статье «Коммунистический манифест» (1908 г.), посвященной 60-летию великого произведения К. Маркса и Ф. Энгельса, Воровский показал немеркнувшее значение этого программного документа для международного рабочего движения. Заканчивая статью, он писал: «Редкий удел выпал на долю «Манифеста». При своем рождении он встретил восторженный прием, он освещал путь двум поколениям, пережил своих творцов и своих критиков, и теперь — 60 лет спустя — он так же молод, свеж, жизнерадостен, так же зовет на борьбу, так же манит к счастью, так же ярко светит блеском идеала!

Вот где — истинный «источник молодости!»¹.

В пропаганде марксистской теории Воровский не ограничивался изложением уже разработанных положений, а выражал свои взгляды, обобщая факты общественной жизни. Так, например, в статье «К истории марксизма в России» (1908 г.) он попытался наметить основные периоды в истории русского рабочего движения, разоблачал «русских критиков марксизма», отстаивал линию В. И. Ленина, критиковал ошибки Г. В. Плеханова. Излагая историю марксизма в России, Воровский делал конкретные выводы: «История марксизма в России является блестящей иллюстрацией его теории. Она показывает, какой неразрывной связью соединена идеология данного класса с его бытием, с его повседневной борьбой. Законченное пролетарское мировоззрение, раз-

¹ В. В. Воровский. Соч., т. I, стр. 63.

работанное на Западе в живой связи с классовой борьбой рабочих, остается пустоцветом на русской почве, пока не назревает движение масс, оживляющее эту до тех пор мертвую догму. Лишь по мере развития рабочего движения формальный русский марксизм наполняется реальным содержанием»¹. Может быть, Воровский не совсем точен в этих формулировках, но он безусловно прав, подчеркивая неразрывность теории с практикой.

В своих публицистических произведениях Воровский старался ответить на ряд сложных теоретических и практических вопросов, поставленных жизнью. Он много внимания уделял, например, такой проблеме, как место интеллигенции в революционной борьбе, разоблачал продажную буржуазную интеллигенцию и вместе с тем писал о путях формирования новой интеллигенции, из представителей рабочего класса. Одним из первых в большевистской публицистике Воровский разрабатывал запутанный оппортунистами вопрос о взаимоотношении пролетарской партии с профсоюзами и ответил на него правильно, по-ленински, подчеркнув руководящую роль партии. Вацлав Вацлавович довольно часто выступал и по вопросам истории нашей Родины. Большой интерес с этой точки зрения представляют его произведения «Возникновение рабочего класса», «Девятнадцатое февраля», «Полтавская годовщина», «Потомки Митрофана Простакова». На основе ленинского анализа исторического процесса он исследовал ряд коренных проблем русской истории и стал одним из зачинателей нашей марксистской историографии.

Особое место в публицистическом творчестве Воровского занимают материалы, в которых исследуется история возникновения в России помещичьих и буржуазных партий. В статье «Социал-демократия и буржуазные партии» (1907 г.), вскрывая сущность черносотенных партий, Вацлав Вацлавович писал: «Когда началось открытое революционное движение и стали организовываться политические партии, началось объединение и землевладельческого дворянства»². И далее: «Совет объединенного дворянства является наиболее сплоченной и сильной организацией крепостников; он непосредственно связан с правительством, тем более, что во главе

¹ В. В. Воровский. Соч., т. I, стр. 157.

² В. В. Воровский. Соч., т. III. М., 1933, стр. 324.

его стоят некоторые члены правительства, как, напр., члены Государственного совета граф Бобринский и Нейдгардт»¹. Характеризуя партии русской буржуазии, в частности наиболее многочисленную — партию кадетов, Воровский указывал на отсутствие резкой грани между монархическим дворянством и ею: «...анализ имущественного и социального состава к.-д. фракции в I Думе показывает, что эта партия состоит главным образом из среднего, частью крупного землевладения и буржуазной интеллигенции, стоящей по своему жизненному уровню на рубеже между средней и крупной буржуазией. К этому ядру примыкает, с одной стороны, часть городской буржуазии (домовладельцы, промышленники), с другой — часть сельской буржуазии (торговцы) и некоторый процент крестьян»².

Историк, исследующий процессы, происходившие в общественной жизни России в начале XX столетия, не может пройти мимо статей Воровского, посвященных этим вопросам.

Публицистика Воровского помогала в борьбе за сплочение марксистских сил, за укрепление пролетарской партии. Вместе с произведениями В. И. Ленина, статьями и брошюрами Ольминского, Луначарского его работы «Совет против партии», «Плоды демагогии», «Социал-демократия и рабочая масса», «Буржуазные соглашатели и пролетарские революционеры» и другие сыграли немаловажную роль в идейном разгроме меньшевизма.

Особенно интересен и поучителен опыт публицистической деятельности Вацлава Вацлавовича в годы первой русской революции. В то время он работал под непосредственным руководством В. И. Ленина в газетах «Вперед», «Пролетарий», «Новая жизнь». Именно тогда во всей полноте раскрылся его публицистический талант. И в этом огромное значение имело влияние на него Владимира Ильича, который по-товарищески учил Воровского, редактируя его статьи. Коммунистическая партия высоко ценила своего публициста. В. И. Ленин неоднократно давал Воровскому важные поручения и подчеркивал высокие качества его журналистских трудов. Так, в одном из писем 1905 г. Владимир Ильич отмечал: «Шварц³ в отсутствии: пишет он оттуда усерд-

¹ В. В. Воровский. Соч., т. III, стр. 325.

² Там же, стр. 336.

³ Один из псевдонимов В. В. Воровского. — А. Б.

но и хорошо, даже как будто лучше, чем здесь...»¹
В 1908 г. В. И. Ленин из Женевы писал Воровскому в Одессу: «Убедительно просим писать для нашей газеты»² (речь шла о «Пролетарии»).

Как редактор большевистских газет, В. И. Ленин добивался, чтобы в статьях Вацлава Вацлавовича, да и других публицистов, была полная политическая четкость и определенность. Он подверг основательной переработке статьи Воровского «Плоды демагогии» («Вперед» № 11), «Первые шаги профессионального движения» («Пролетарий» № 11), «Мир и реакция» («Пролетарий» № 17), «Либеральные союзы и социал-демократия» («Пролетарий» № 18). Вставки, сделанные Владимиром Ильичем, превратили эти статьи в еще более яркие и политически точные.

В 1905—1907 гг. Воровский выступает как летописец революции и в то же время в качестве боевого публициста активно участвует в ее сражениях. В своих статьях он рассказывает о героических событиях того периода. «Корабль-скиталец» и «Севастопольское одоление» посвящены самоотверженной борьбе революционных черноморских моряков. Анализируя текущие события, Воровский убедительно показал жизненность большевистских лозунгов, правильность политической линии ленинской партии. Например, в статье «Революция и контрреволюция» он писал: «Поэтому трехчленная формула — вооруженное восстание, революционная армия, временное революционное правительство — стала лозунгом революционной социал-демократии в переживаемую демократическую революцию. И жизнь на каждом шагу подтверждает законность и неизбежность этого лозунга. Каждый шаг революционного движения пропагандирует этот лозунг в самых широких массах, толкая их на этот путь, как на путь кратчайший, наиболее выгодный. И это выступление широких масс с революционным пролетариатом во главе на решительную, бесповоротную борьбу лучше всего ручается за то, что самодержавный строй будет свергнут и никакие военные хитрости в виде Государственной думы не спасут его»³.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 53.

² Там же, стр. 160.

³ В. В. Воровский. Избранные произведения о первой русской революции. М., 1955, стр. 58—59.

713273
ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

Публицистика Воровского оптимистична, она наполнена уверенностью в окончательной победе революционных масс. Трезвый анализ фактов, глубокое изложение марксистско-ленинской науки — ее важнейшие черты. Вацлав Вацлавович на конкретных примерах убедительно разоблачал меньшевиков, показывал всю пагубность для рабочего движения их идеологии и практики, отстаивал ленинскую линию большевистской партии. Так, в октябре 1905 г. в статье «Буржуазные соглашатели и пролетарские революционеры» («Пролетарий» № 20), направленной против меньшевиков-«новоискровцев», он писал: «Увлечшись перспективой соглашений с мирными буржуазными демократами, «Искра» заменяет вооруженное восстание революционным векселем гг. Петрункевичей и с негодованием обрушивается на «Пролетарий», агитирующий за борьбу против Думы. «Искра» отказывается соединять агитацию по поводу Думы с агитацией за вооруженное восстание»¹. Воровский в этой статье подчеркнул коренное различие политической линии большевиков и меньшевиков. В адрес последних он замечает: «Упования этих несчастных слепцов на революционность Думы прикрывают только наготу их беспомощной тактики, в которой не осталось ничего революционного»².

В статье «Плоды демагогии» («Вперед», 1905, № 11) большевистский публицист вскрывает внутреннюю сущность оппортунизма, разоблачает его демагогические приемы, с помощью которых совершается обман масс. «Но в том-то и суть всякой демагогии, — указывал Воровский, — что она обращается не к «сознательности», а к «стихийности», не к разуму, а к инстинкту, и потому сплошь да рядом приводит к таким последствиям, которым не рады и сами демагоги. На культе стихийности строили всю свою хвостистскую тактику рабочедельцы; это был их принцип. Наши новые рабочедельцы — новоискровцы — повторяют теперь те же слова, те же термины...»³.

Воровский стремился обобщить в своих выступлениях опыт боев первой русской революции, осмыслить ценнейшие указания Маркса и Энгельса применительно к новым историческим условиям России. Большую цен-

¹ В. В. Воровский. Избранные произведения о первой русской революции, стр. 60.

² Там же, стр. 66.

³ В. В. Воровский. Соч., т. I, стр. 281.

ность в этом отношении представляла его статья «Коммунистический манифест» о буржуазной революции», опубликованная в журнале «Вестник жизни» (1906, № 2). В ней говорилось: «Теоретические положения «Манифеста» весьма интересно приложить к русской действительности, вставив в известную нам алгебраическую формулу отношения пролетариата к буржуазии конкретную величину. Наша буржуазная революция так запоздала, она совершается при таком высоком уровне развития производительных сил, особенно в промышленности, что к ней приложимо еще в большей мере то, что было сказано о Германии 1848 г.»¹.

Соратник и ученик В. И. Ленина, Воровский считал марксизм не догмой, а великим учением, дающим правильную ориентировку в сложных событиях общественной жизни. Поэтому он в своей литературной работе творчески применял положения научного коммунизма для оценки фактов действительности.

Воровский видел огромное международное значение русской революции. В мае 1905 г. он писал: «Невозможно, конечно, предсказать размеры и последствия русской революции. Несомненно лишь то, что она не ограничится Россией, что она будет иметь громадное, общеевропейское значение»².

В публицистике Воровского большое место занимают вопросы литературы и искусства. Примерно четверть всех произведений Вацлава Вацлавовича составляет литературная критика. Он исследовал творчество В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева, А. В. Кольцова, И. С. Тургенева, А. П. Чехова, А. М. Горького, Л. Н. Андреева, И. А. Вунина, А. И. Куприна. Интересно замечание Воровского о публицистичности творчества лучших представителей русской прогрессивной демократической интеллигенции, которое он высказал в одной из своих статей: «Наша интеллигенция искони считала публицистику своей стихией. Со времен Белинского вносила она ее в критику, науку, искусство... Она мыслит и творит публицистически»³.

В статьях «Д. И. Писарев» (1908 г.), «В. Г. Белинский» (1911 г.), «Н. А. Добролюбов. 1811 — 17 ноября 1861» (1912 г.), «Был ли Герцен социалистом?» (1920 г.)

¹ В. В. Воровский. Избранные произведения о первой русской революции, стр. 101.

² В. В. Воровский. Соч., т. III, стр. 90.

³ В. Воровский. Литературные очерки. М., 1923, стр. 226.

и других Воровский характеризует творчество революционеров-демократов как мужественных борцов за народное дело. Подчеркивая воинствующий демократизм Белинского, он писал: «Белинский, как и следовавшее за ним поколение, был до мозга костей «земным», он был детищем той черной земли, которая рождала столько действительного горя. И надолго никакая система не могла заставить его уверовать в призрачность этого горя. И героизм Белинского — а в нем было много героического — был героизмом не отвлеченного мыслителя, а борца, был по существу не «абстрактным», а политическим героизмом»¹.

К сожалению, Воровский не смог правильно оценить исторические заслуги А. И. Герцена и Д. И. Писарева. В статье «Был ли Герцен социалистом?», опубликованной в журнале «Творчество», он иначе, чем В. И. Ленин, определяет историческую роль Герцена, называет его «буржуазным революционером». «Мы имеем больше основания, — писал он, — преклоняться пред Герценом-буржуазным революционером, чем пред Герценом-псевдо-социалистом»². В статье «Д. И. Писарев» Воровский по существу отождествляет Писарева с тургеневским Базаровым, противопоставляет его деятелям «Современника». На самом же деле Писарев, несмотря на его ошибки, принадлежал к лагерю революционеров-демократов.

Особенно много внимания Воровский-критик уделял творчеству М. Горького. Этой теме он посвятил статьи «О М. Горьком» (1902 г.), «Максим Горький» (1910 г.), «Две матери» (1910 г.), «Еще о Горьком» (1911 г.). Анализируя творческий путь пролетарского писателя, автор особо подчеркнул: «С искренностью, характерной для этого цельного человека и художника, М. Горький открыто стал на сторону рабочего класса и социалдемократии»³. Воровский назвал Алексея Максимовича «буревестником пролетарской революции».

В большой статье «Максим Горький» Вацлав Вацлавович подробно выясняет место писателя в развитии русской литературы, указывает на основные особенности его творчества: «Гуманное, нежное отношение к человеку, которое мы уже подчеркнули выше, потребность понять другого человека, войти в его положение и мыш-

¹ В. В. Воровский. Соч., т. II, стр. 113.

² Там же, стр. 111.

³ Там же, стр. 200.

ление, глубокая вера в конечное торжество правды, а потому упорное искание этой правды, хотя бы и менялось содержание ее, неизменная преданность всем угнетенным и непримиримая ненависть ко всем угнетателям — все эти черты красной нитью проходят через многолетнюю деятельность М. Горького, и от этого его художественный облик становится близким и родным самым широким кругам»¹.

После поражения революции 1905—1907 гг. в русской литературе стали очень сильными различные декадентские, модернистские течения. Как критик-марксист, Воровский не мог пройти мимо этого явления. В статьях «В ночь после битвы», ««Правда» или «ложь»», «Сын человеческий», «В загнившем омуте» и других он обнажает социальные антинародные пороки модернизма, его огромный вред для рабочего класса.

В те же годы продолжали свою творческую деятельность и писатели-реалисты И. А. Бунин, А. И. Куприн. Воровский объективно оценивал их произведения, не идеализировал и облик каждого из этих художников. Вацлав Вацлавович писал: «О Вунине вообще, о его творчестве, о значении и роли этого творчества можно быть разного мнения, но едва ли кто-либо станет отрицать, что это — даровитый художник, обладающий тонким чутьем»². Отметив литературные достоинства Вунина, критик в то же время не оставляет без внимания антидемократические тенденции в изображении им русской деревни: «Мужик, на котором держится и физическая и финансовая мощь одной из крупнейших европейских держав, оказывается по изображению нашего автора грубым, некультурным дикарем, каким-то полуживотным, живущим одной жизнью и чуть ли не одними интересами с домашним скотом, тупым, жадным, грязным и забитым»³. Писатель не видел того нового, что происходило в русской деревне: «Пять лет тому назад (т. е. в 1905 г. — А. Б.) сонная, застоявшаяся деревня была раскачана революционным шквалом. Она всколыхнулась, хлынула из берегов и раскрыла перед всеми свои сокровенные глубины»⁴. Воровский убедительно показал, что только передовое революционное мировоз-

¹ В. В. Воровский. Соч., т. II, стр. 209.

² Там же, стр. 291.

³ Там же, стр. 297.

⁴ Там же, стр. 298.

зрение дает возможность художнику правильно отражать жизненные явления.

В своих работах Вацлав Вацлавович большое внимание уделял вопросам литературной критики, видя в ней важное средство влияния на развитие литературы и искусства. Особое беспокойство у него вызывал тот факт, что в годы реакции господствующие позиции в литературной критике занимали люди, толкавшие литературу на путь идейного и художественного распада. «Эта вакханалия пошлости разыгрывалась совершенно беспрепятственно. Литература указанного рода захватила центр общественной арены, «дружественная» критика, особенно типа «попедельничных» газет, делала ей бурную рекламу, это течение захватило и толстые журналы, где постепенно укрепилась определенного сорта беллетристика, а за ней и критика. Круговая порука взаимной солидарности и рекламы обеспечивали мирное житие»¹. Воровский указывал на прямую связь всего этого с контрреволюцией, с реакцией: «Новейшая литература только выбалтывает с наивностью желторотого птенца практические правила заматерелых хищников. Литературная реакция умеет только вторить идеям общественной реакции»².

Продолжая в литературной критике традиции Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Воровский в то же время одним из первых выступил за создание новой, марксистско-ленинской критики художественной литературы. Он вел борьбу за развитие высокоидейной реалистической литературы, резко отрицательно оценивал произведения декадентов, буржуазных модернистов, называл их «большим цветком на почве реакции». Воровский с особой силой подчеркивал огромное общественное значение художественной литературы. Он высмеивал тех критиков, которые пытались оторвать литературу от жизни, «замкнуть писателя в «хрустальный дворец» фантазии». В статье «О буржуазности модернистов» он писал: «При всякой общественной реакции, сопровождавшейся литературной реакцией (так было в 80-е гг., так и теперь³, новейшее течение упрекало предшествовавшее в «тенденциозности». Фактически получалось, что литература тенденциозна тогда, когда сквозь художественное произведение просвечивает ка-

¹ В. В. Воровский. Соч., т. II, стр. 349.

² Там же, стр. 355.

³ Статья написана в 1908 г. — А. Б.

кая-либо общественная идея. Не тенденциозна же она, то есть чисто художественная, тогда, когда она свободна от всяких общественных и интересов и идей.

Едва ли нужно говорить, что это деление нелепо. Тургенев был бесспорный художник, а между тем он был весьма тенденциозен. Едва ли есть в нашей литературе более тенденциозный писатель, чем Достоевский. А Лев Толстой? Тенденциозность живет не в романе, а в самом писателе»¹.

Вслед за В. И. Лениным Воровский выступал против буржуазной теории «абсолютной свободы творчества». «Даже такая, казалось бы, оторванная от земли сфера, как чистая эстетика, например лирическая поэзия, — писал он, — определяется в значительной мере общественными условиями»².

Литературно-критические выступления Воровского в печати — одна из наиболее ярких и поучительных страниц в истории марксистской критики дооктябрьских лет.

Следует отметить, что в отдельных своих литературно-критических статьях Вацлав Вацлавович допускал и ошибки. Так, он в ряде случаев фактически признавал теорию дистанции, т. е. закономерность постоянного отставания литературы от жизни; при анализе повести М. Горького «Мать» утверждал, что образ Ниловны идеализирован писателем. Такие выводы, конечно, неверны, субъективны, но не они составляют основу литературно-критических выступлений Воровского. Главное — это марксистско-ленинский анализ художественных произведений. До сих пор его статьи по вопросам литературы представляют значительную ценность.

После Великой Октябрьской социалистической революции В. В. Воровский в основном был занят государственной работой. Но и в это время и до конца жизни он не прекращал своего сотрудничества в печати. На страницах «Правды», журналов «Коммунистический Интернационал», «Красноармеец» были опубликованы многие его статьи. В частности, в «Правде» — «Рождение Третьего Интернационала», «Немецкий Брест», «Нейтральная Дания».

Надо отметить, что В. В. Воровский в марте 1919 г. участвовал в заседаниях I конгресса Коммунистического

¹ В. В. Воровский. Литературно-критические статьи. М., 1956. стр. 182.

² Там же, стр. 293.

Интернационала и был избран членом Исполкома Коминтерна. Статья «Рождение Третьего Интернационала» посвящена победоносному «шествию принципов» пролетарского интернационализма. Воровский показал решающую роль ленинской партии в создании Коммунистического Интернационала. «Здесь, в Москве, в Советской России, — писал он, — воплотилось в жизнь то новое слово, которое проповедовало несколько поколений социалистов, здесь зародилось новое дело. Отсюда идет свет коммунизма по всему миру, и на этот свет со всего мира стекаются и будут стекаться коммунисты. Вот почему Москва должна была стать очагом нового движения, вот почему именно здесь только мог и должен был состояться первый международный съезд коммунистов и быть создан центр нового, Третьего, Коммунистического Интернационала»¹. Основная тема других выступлений Воровского-публициста в послеоктябрьский период — мирная внешняя политика молодого Советского государства.

Возглавив в 1919 г. Госиздат, Вацлав Вацлавович пишет статью «Задачи в организации Государственного издательства» («Книжный мир», 1920, № 1), в которой объясняет необходимость создания единого общегосударственного издательства, указывает на его задачи в выпуске различной литературы для широких масс трудящихся.

Воровский был одним из первых советских дипломатов. Он, как уже говорилось, представлял молодую Советскую республику в Скандинавских странах, в Италии. Весной 1922 г. Вацлав Вацлавович в составе советской делегации принял активное участие в Генуэзской международной конференции, а в ноябре 1922 — июле 1923 г. он вместе с Г. В. Чичериным возглавлял советскую делегацию на конференции в Лозанне (Швейцария). Советскому дипломату Воровскому помогал партийный публицист Воровский. В своих статьях и фельетонах Вацлав Вацлавович пропагандировал миролюбивую внешнюю политику Советского государства, разоблачал империалистических заправил. В январе 1922 г. он поместил в «Правде» несколько фельетонов, подписанных «Недоумевающий». В них («Диалектика или чудеса в решетке», «Недоумения и затруднения») Воровский зло высмеивал буржуазных правителей Англии и Франции,

¹ В. В. Воровский. Соч., т. III, стр. 370—371.

которые пытались вмешиваться во внутренние дела нашей страны.

Из последних произведений Воровского особенно следует отметить статью «В. И. Ульянов-Ленин», написанную в связи с 50-летием Владимира Ильича. Она была опубликована в журнале «Красноармеец». Вацлав Вацлавович убедительно и ярко показал образ Ленина — великого вождя революции, гениального мыслителя, блестящего практика-революционера, прекрасного товарища и заботливого друга. Он писал: «Грозные эпохи исторических переломов рождают людей, которые как бы воплощают в себе душу переживаемого момента. Эти люди являются средоточием и носителями того нового, грядущего, высшего, которое борьбой пробивает себе дорогу и завоевывает себе право на существование. Таким человеком в нашу эпоху перелома от капитализма к социализму является Владимир Ильич Ульянов-Ленин...

Дать характеристику Ленина, — продолжал Воровский, — это значит писать и писать целые томы, ибо так много можно и хочется сказать об этом столь простом и цельном и в то же время столь разнообразном и сложном человеке. Но сейчас довлеет дневи высказать в нескольких строках те чувства преклонения перед величием человека и чувства нежности к товарищу и соратнику, которые испытываем мы все, работавшие и работающие вместе с ним в рядах коммунистической партии»¹.

Из всего сказанного видно, как широка и разнообразна тематика публицистики В. В. Воровского. Он выступал в печати по важным вопросам политической жизни, партийной работы, художественной литературы; многие его произведения разрабатывают теоретические проблемы, пропагандируют марксизм-ленинизм.

¹ В. В. Воровский. Соч., т. III, стр. 355—358.

ПУБЛИЦИСТИКА ФАКТА И ОБРАЗА

Для советских журналистов произведения В. В. Воровского ценны не только своим охватом многих важных вопросов жизни, но и как образцы высокого публицистического мастерства.

Прежде всего необходимо отметить жанровое многообразие выступлений Воровского в печати. Он писал статьи, обзоры, заметки, памфлеты, фельетоны и пр. Чаще Вацлав Вацлавович обращался к жанру статьи. Тема и пути ее разработки определяли вид статьи. В теоретических и пропагандистских статьях рассматривались проблемные вопросы, защищались основы и принципы марксизма, обобщался опыт революционной борьбы, в популярной форме излагались положения марксистско-ленинской науки.

Так, в статье «Буржуазия и монархия» («Пролетарий», 1905, № 11) автор изложил марксистское положение о политических формах государства, показал на исторических примерах, почему и как буржуазия меняла формы своего государства, в частности почему русская буржуазия пыталась в период революции сохранить монархическую власть, дополнив ее убудочным парламентом. В то же время в статье подчеркиваются задачи пролетариата в создании демократической республики. Основываясь на положениях марксизма, анализируя факты жизни, Воровский делает следующий вывод: «...в интересах пролетариата и демократии вообще необходима республика, как более прямой и открытый путь к низвержению царства хищений и насилий, которое всегда создает вокруг себя господство крупной буржуазии. В интересах же буржуазии, ее господствующей».

щих групп иметь в монархии своего защитника и покровителя, жандарма и палача, и современная монархия охотно берет на себя эту роль за приличное вознаграждение»¹.

Ярким примером пропагандистской статьи является статья Воровского «Социал-демократия и рабочая масса», написанная в 1907 г. Она посвящена актуальнейшему для того времени вопросу — разоблачению меньшевистской идеи ликвидации нелегальной РСДРП и создания вместо нее реформистской легальной организации. Поводом для написания статьи послужила брошюра ликвидатора Щегло «О рабочем съезде».

В первых же строках Вацлав Вацлавович отмечает демагогию меньшевиков и показывает их полнейший разрыв с марксизмом. Он высмеивает их «прожекты»: «Убить, чтобы вылечить, — едва ли какой-нибудь врач признает такой принцип. Убить или искалечить душу классу, чтобы вылечить его тело, — едва ли с этим согласится социолог, стоящий на точке зрения марксизма»². А ведь именно к этому и сводилась идея меньшевиков — ликвидировать пролетарскую партию якобы в «интересах пролетариата».

Воровский предлагает читателю обратиться к трудам Маркса и Энгельса, в частности к их «Манифесту Коммунистической партии». Он подчеркивает, что ликвидаторы показали глубочайшее презрение «к *марксистской теории*, к теоретическому обоснованию отношения между социал-демократией и массой, между партией и классом»³.

Вацлав Вацлавович напоминает, что основоположники научного коммунизма считали создание пролетарской партии объективной закономерностью, непременным условием победы рабочего класса. Он справедливо замечает: «И едва ли бы кому-нибудь из них (основоположников марксизма. — А. Б.) могло прийти в голову, что найдется под луною страна, где сами социал-демократы будут искать способов, как бы избавиться от своей партии, как бы растворить ее в менее сознательной массе, как бы разжижить социализм потребностями несоциалистического пролетариата»⁴. На основе научного

¹ В. В. Воровский. Избранные произведения о первой русской революции, стр. 38.

² Там же, стр. 374—375.

³ Там же, стр. 375.

⁴ Там же, стр. 378.

анализа истории рабочего движения на Западе и революционной пролетарской борьбы в России Воровский еще и еще раз доказывает важность и необходимость руководящей роли партии.

Разоблачая меньшевиков, которые были искусными демагогами и софистами, Вацлав Вацлавович скрупулезно разбирает их писания. Он отмечает и основные направления сторонников «рабочего съезда» — профессионалистов и синдикалистов. Особое внимание он обращает на выяснение вопроса о месте и роли профессиональных союзов в классовой борьбе. Они, по мнению Воровского, являются «превосходной школой», «необходимым дополнением политической партии».

Отвечая ликвидаторам, Вацлав Вацлавович в конце статьи заявляет: «Теперь, когда наступило время воплотить в жизнь теоретические труды двух поколений, нам предлагают растворить это сокровище мысли в классовом инстинкте стихийного движения. Идемте в массу, говорят нам, доверимся ее здоровому классовому чутью! Да, мы пойдем в массу, но пойдем как партия, как организованный социалистический авангард»¹.

Эта статья В. В. Воровского, как и другие его теоретические труды, глубока по идейному содержанию, актуальна по теме и популярна в лучшем смысле этого слова. В то же время она образец боевой партийной публицистики, верно нацелена против врагов марксизма-ленинизма, отстаивает большевистскую партию от наскоков ликвидаторов.

Иногда Воровский писал статьи-обозрения. Так, в старой, ленинской «Искре» под общим названием «Из русской жизни» было напечатано несколько его статей, в которых рассматривались текущие политические события и давалась им марксистская оценка. Автор использовал многие материалы, сопоставлял различные оценки того или иного события и делал свои выводы.

В одном из номеров «Московские ведомости» рассыпались в похвалах по адресу министра внутренних дел царского правительства Плеве, олицетворявшего кровавый николаевский режим. И вот в статье-обзрении «Из русской жизни» для № 49 «Искры» (октябрь 1903 г.) Воровский с сарказмом писал: «Лозунг «сильной руки» и «ежовых рукавиц», с которым вступило в

¹ В. В. Воровский. Избранные произведения о первой русской революции, стр. 393.

жизнь министерство Плеве, с самого начала определил будущий курс его. Чем выше поднимала голову «гидра революции», тем ожесточеннее отбивалось «боевое министерство»¹. Отметив, что таким образом укрепить самодержавие не удалось, Вацлав Вацлавович указывал: «Эта оргия людей «порядка», где царь обнимается с жандармом, а благонамеренная интеллигенция братается с сыщиками, представляет характерное знамение времени. Правительство чувствует, что в воздухе висит «не бунт, а революция», и ставит свой последний козырь»².

Нередко Воровский выступал с полемическими статьями, одна из них — «Что значит «поддерживать» либералов?» («Вестник жизни», 1906, № 3). Полемизируя с Плехановым, который ратовал в период первой революции за союз с либеральной буржуазией, автор выдвигает на первый план задачу разоблачения буржуазного либерализма и борьбу за укрепление союза рабочего класса с крестьянством.

Большевистский публицист Воровский стремился не только убеждать читателя силой логики, научно обоснованными аргументами, но и влиять на его чувства, воздействовать эмоционально. Взволнованно, вдохновенно рассказал он о подвиге революционных матросов броненосца «Потемкин» в статье «Корабль-скиталец» («Пролетарий», 1905, № 10). Подчеркивая значение этого подвига для политического просвещения и воспитания масс, Воровский писал:

«Народные массы, недавно еще с тупым безразличием или суеверным страхом смотревшие на скитальцев-революционеров, начали все больше и больше понимать, что ради их блага и счастья борются и страдают эти отверженные. Вместе с тем и из самой этой массы народной начали выделяться сперва одиночками, а там десятками и сотнями такие же борцы за свободу, готовые отдать себя великому делу счастья человечества, готовые променять свой покой на муки и скитания»³.

Как уже говорилось, важное место в арсенале публициста занимали литературно-критические статьи, которые он нередко печатал в «Правде» — легальном

¹ В. В. Воровский. Соч., т. III, стр. 3.

² Там же, стр. 8.

³ В. В. Воровский. Избранные произведения о первой русской революции, стр. 11.

московском «ежемесячном журнале искусства, литературы и общественной жизни» (1904—1906 гг.), а также в различных газетах и сборниках. Глубина и свежесть мыслей и суждений этих произведений сочетались с ясностью и яркостью их формы. Отмечая данные качества, А. В. Луначарский писал: «...на нас, на всех тогдашних марксистов статьи Воровского сразу произвели впечатление каких-то ярко развернувшихся красных цветов на фоне довольно чахлой литературной критики»¹.

Воровский писал и короткие заметки, в которых откликался на отдельные события в области литературы и искусства. Таковы «Легенда старого замка», «Несколько слов о «Кривом зеркале»» и др.

Одним из любимых жанров Вацлава Вацлавовича был памфлет. Его острые, бьющие в цель памфлеты «Севастопольское одоление», «Народно-социалистическая партия и человеческая личность», «Вопросы дня», «Потомки Митрофана Простакова» и другие обличают врагов трудящихся, политических авантюристов и путаников.

Использовал Воровский и такой сатирический жанр, как маленький фельетон. Под псевдонимом Фавн он выступал с маленькими фельетонами в легальных газетах «Одесское обозрение» и «Одесские новости» в 1907—1909 и в 1912 гг. Их было напечатано более двухсот. В этих небольших по объему (80—100 строк) произведениях Воровский подвергал осмеянию конкретные явления «мерзкой действительности» царской России.

Публицистика Вацлава Вацлавовича была популярной в широком смысле слова. Он учился у В. И. Ленина говорить с читателем понятно о самых сложных вопросах общественной жизни, при этом не вставал на путь упрощения, а стремился поднимать уровень читателя, помогать ему в развитии. Следует также отметить дифференцированный подход Воровского к аудитории. Так, статьи теоретические рассчитаны на подготовленного читателя. Статьи-обозрения, маленькие фельетоны и другие материалы предназначены для широких масс.

Популярность публицистики Воровского основывалась на глубине его знаний, на умении применять и использовать их в своем творчестве.

¹ А. Луначарский. Вацлав Вацлавович Воровский как литературный критик. — В. В. Воровский. Соч., т. II. Предисловие, стр. XIII.

Что касается других особенностей публицистического мастерства Воровского, то к ним нужно отнести прежде всего выразительность и убедительность его выступлений, умелое использование фактов, искусное ведение полемики. Выразительности и убедительности он добивался как путем точных логических построений и глубоко обоснованных аргументов, так и за счет использования впечатляющих образов. Например, статья «Корабль-скиталец» построена с самого начала на основе сопоставления двух образов: легендарного «летучего голландца» и революционного броненосца «Потемкин».

«На заре туманной юности европейской буржуазии, когда мрак первоначального накопления озарился приветливым блеском американского золота, сложилась легенда о голландском моряке, обреченном на муки вечного скитания. Гонимый и терзаемый злыми демонами буржуазии — демонами, возникшими из потоков крови и слез, пролитых ради нового божества — золота, злополучный корабль носился по бесконечному простору морей, не видя исхода своим страданиям. Буржуазия свалила на это детище своей фантазии всю ту гору преступлений и злодеяний, которая тяготела на ее совести, и предала злосчастного скитальца проклятию, заслуженному ею самой»¹. И далее: «Рожденный смелой мыслью и страстной жаждою свободы, появился опять на волнах моря корабль-скиталец — не призрак, не порождение беспокойной совести — нет, могучий броненосец, полный боевой отваги, гордо поднявший на свободной стихии красное знамя свободы. И, как бы в знак того, что он пришел искупить темное прошлое господствующего строя, на его борту красовалось ненавистное имя «Князь Потемкин Таврический»»².

Так, сопоставляя два образа, Воровский убедительно показал великое историческое значение подвига потемкинцев. Оптимизм, вера в торжество революции звучат в заключительных строках статьи: ««Князь Потемкин Таврический» сдался румынским властям. Но разве это поражение революции? Нет, вся кампания этого первого революционного броненосца была сплошной победой революции... Тот могучий броненосец, которому суждено освободить Россию, корабль-скиталец русской революции, — он жив, он цел, грозной громадой

¹ В. В. Воровский. Избранные произведения о первой русской революции, стр. 9.

² Там же, стр. 10.

надвигается он на врага, зловеще сверкают жерла пушек, жадной боя сгорает команда, а высоко в воздухе радостно бьется и трепещет красное знамя свободы»¹.

В памфлете «В ночь после битвы» (сборник «О веяниях времени», 1908 г.) Воровский, показывая идейный распад среди части русской интеллигенции, особенно творческой, после поражения революции 1905—1907 гг., для большей выразительности использует образ мародера. Вот что он пишет: «Когда ночь опускает свой покров на поле битвы и разделяет борющихся, — наступает момент учета итогов дня, определения потерь и завоеваний. Тогда разбитый противник спешит отступить под прикрытием темноты, а победители, не рискуя преследовать во мраке, предаются торжеству и радости. На поле битвы остаются только трупы и раненые, — и вот среди них начинают появляться фигуры мародеров, шарящие по карманам, снимающие кольца с рук, образки с груди. Ибо ночь после битвы принадлежит мародерам»². На мрачном фоне реакции Воровский и рассматривает поведение мародеров — той буржуазной интеллигенции, которая предала интересы народа.

В своем творчестве Воровский большое внимание уделял наиболее правильному использованию фактов. На основе их он анализировал явления общественной жизни, конкретными примерами иллюстрировал выводы и положения, очень часто, отталкиваясь от фактов, делал широкие обобщения. Так, например, в памфлете «Потомки Митрофана Простакова» он подверг тщательному анализу официальные статистические данные о грамотности русских помещиков. В результате оказалось, что среди потомственных дворян, живущих в уездах, было неграмотных 26%, со средним образованием — 18,6, с высшим — 8,9, остальных — 46%. Обобщая результаты исследования, Воровский писал: «Теперь, в XX веке, когда даже самый бедный крестьянин норовит послать в школу своих детей, когда чернорабочие учатся друг у друга грамоте, — богатейшее, командующее «благородное» сословие, оказывается, состоит наполовину из недоучек и на четверть из людей совершенно неграмотных. Можно ли после этого удивляться, что на все запросы общественной жизни из рядов этого сословия раздается только нечленораздельное мычание, на-

¹ В. В. Воровский. Избранные произведения о первой русской революции, стр. 12.

² В. В. Воровский. Соч., т. II, стр. 244—245.

поминающее, правда, скотный двор, но мало говорящее о русской «культуре»?»¹ Как говорится, комментарии излишни.

В работе «О государственной думе» (1905 г.) публицист разоблачает попытку царизма обмануть народные массы созывом так называемой совещательной Думы, получившей впоследствии название «булыгинская» по имени одного из авторов проекта — министра Булыгина. Убедительны в этом плане цифровые данные раздела «Из кого будет состоять Дума?»: «...230 помещиков, 101 богатый крестьянин, 78 купцов и фабрикантов и 3 казацких богатея!

А кто же будет заступаться в Думе, — гневно восклицает Воровский, — за городских рабочих, за бедных ремесленников, за кустарей, за крестьянскую бедноту? Кто будет защищать в Думе более ста миллионов русского народа? Никто — разве что купцы да помещики заступятся. Да, эти заступятся, как волки за овец!»²

Вацлав Вацлавович разъясняет далее политику большевистской партии в отношении этой Думы, агитирует за бойкот выборов в нее. Он подводит читателя к такому выводу: «Итак, народу приходится либо покориться и тянуть далее лямку, либо подняться против царя и свергнуть его. Но народ уже не может и не хочет покориться, — недаром же волнуется он и требует себе прав, несмотря на тысячи жертв и реки крови. Народу остается только борьба. И он будет бороться. Царь дает народу лицемерную Государственную думу — народ должен ответить вооруженным восстанием. Царь хочет обмануть народ — народ должен прогнать царя. Царь хочет с кучкой богатых угнетать народ — народ должен устроить свое свободное выборное правительство.

Долой же царя и его правительство! Да здравствует народная республика!»³

Приведенные публицистом обличительные факты хорошо служили агитационным целям. Последующие события подтвердили правоту ленинской партии: булыгинская Дума была сметена революционной волной.

На анализе большого фактического материала построены и такие публицистические произведения Воровского, как «Некоторые итоги Первой Думы» (1906 г.),

¹ В. В. Воровский. Соч., т. 1, стр. 219.

² В. В. Воровский. Избранные произведения о первой русской революции, стр. 152.

³ Там же, стр. 162.

«Социал-демократия и буржуазные партии» (1907 г.)
«Перед Третьей Думой» (1907 г.) и др.

Уже отмечалось, что в публицистике Воровского полемика занимала значительное место. Ее характер определялся прежде всего марксистско-ленинской принципиальностью Вацлава Вацлавовича. Искусству полемики он учился у Ленина. Полемизируя с идейным противником, Воровский отстаивал партийные позиции, вскрывал ошибочность или враждебность взглядов своего оппонента интересам рабочего класса, линии ленинской партии. При этом он умело использовал действенное оружие фактов. Его острая критика основывалась не только на твердых марксистских принципах, но и на научном подходе к реальной обстановке, жизненным явлениям. В своей статье «Уроки жизни» (1905 г.) на конкретном примере Воровский показывает всю нелепость и вредность «теории» новоискровцев о стихийности народного восстания, их утверждения, что сила его в неорганизованности.

Революционные моряки на броненосце «Потемкин» не смогли осуществить свои намерения именно потому, что не было у них и особенно у одесского пролетариата необходимой организованности. Вацлав Вацлавович писал: «Но когда в социал-демократической газете превозносят неудачи и ошибки, являющиеся результатом неорганизованности, неподготовленности, господства слепой стихийности, тогда мы должны показывать товарищам, что потеряла революция от той или другой неудачи или ошибки»¹.

Для убедительности и остроты полемики он нередко использовал юмор и сатиру. А. В. Луначарский отмечал: «Смех Воровского часто был ласков, и друзья обожали его за изящную шутливость, за его мягкий юмор. Но, пожалуй, чаще смех Воровского превращался в сарказм. Остроумие его было неисчерпаемо»².

В той же статье «Уроки жизни» Воровский высмеивает меньшевиков, уличает их, показывает их нечистоплотность в политике: «Почему это в нас, «большевиках», нападки новоискровцев вызывают только улыбки и веселое расположение духа и почему наша критика,

¹ В. В. Воровский. Избранные произведения о первой русской революции, стр. 16.

² А. Луначарский. Вацлав Вацлавович Воровский как литературный критик. — В. В. Воровский. Соч., т. II. Предисловие, стр. XXXII.

почему «галеркина¹ литература» так сердит «меньшевиков» и заставляет их раздражаться потоками брани? За двухлетний период накопился у нас определенный опыт. Когда интенсивность брани на страницах «Искры» заметно увеличивается, мы уже знаем, что новоискровцы вынуждены были отказаться от какой-нибудь из своих ошибок и принять вместо этого наше положение. Как некоторые химические реакции сопровождаются шипением и выделением не особенно душистых газов, так и усвоению новоискровцами наших положений неизбежно сопутствует выделение обильных потоков брани»².

Воровский был не только блестящим полемистом, но и талантливым публицистом-сатириком. Эта сторона его творчества ярко проявилась, в частности, в маленьких фельетонах. В мрачное время столыпинской реакции в легальной газете «Одесское обозрение» (18 декабря 1907 г.) появился маленький фельетон Воровского «Что же дальше?». Автор использовал в нем один факт: воспитанница епархиального училища в Екатеринославе выбросилась из окна. Комментируя это происшествие, он писал: «Самоубийства среди учащихся приняли в последнее время характер какой-то страшной эпидемии. Ко всем ужасам пережитого, успевшим одеревянить душу обывателя, прибавился еще этот кошмар — самоубиение молодежи»³. Воровский на типичном примере нарисовал обобщенную картину самодержавной столыпинской России: «Видно, что-то дикое, противоестественное творится в недрах общества; видно, что-то оборвалось внутри общественного организма, который заживо разлагается, отравляя своим трупным ядом свои собственные молодые побеги». И далее: «Обрешетили все — не осталось, кажется, ни одного просвета без рокового железа: книги гниют в подвалах, а душа человеческая все так же бьется в корчах и счастлива, когда может вырваться из оков жизни и ринуться в ничто... Что же дальше?..»⁴ Гневным сарказмом, ненавистью к царским палачам пронизан фельетон. В нем чувствуется глубокая боль за русский народ.

¹ «Галерка» — псевдоним М. С. Ольминского (прим. авт.).

² В. В. Воровский. Избранные произведения о первой русской революции, стр. 19.

³ В. В. Воровский. Соч., т. II, стр. 459.

⁴ Там же, стр. 460.

В фельетоне «В подземном царстве» (характерен уже заголовок произведения) Воровский беспощадно и зло разоблачает главарей реакции — черносотенцев: «Мрак подземного царства озаряется кровавыми огнями светильников, в которых горит человеческий жир. За длинным столом, обтянутым кожей левых депутатов, сидят странные судьи Аида: Минос, Радаман и Эак. Справа от них прокурор... кровожадный Цербер. У него три головы: одна голова — Пуришкевича, другая — Буренина, третья — Меньшикова. Тело у него короткое и жирное, как у черноземного помещика, а хвост похож на нагайку. Пуришкевичевская голова все время беспокойно вертится, по временам извергает ругательства или показывает язык. Буренинская голова старчески трясется, непрерывно ворчит и брызжет слюной. Меньшиковская голова слегка приподнята и молитвенно наклонена на бок, глаза закачены, губы шевелятся, что-то шепчут, а из угла рта непрерывно течет какая-то зеленая жидкость»¹. Отвращение и ненависть вызывает у читателя эта компания. По какому случаю она заседает? Оказывается, судит великого русского писателя Льва Николаевича Толстого. В то время как вся передовая Россия отмечала 80-летие великого художника, реакция клеветала на него, поносила, предала осуждению. Заканчивая фельетон, Воровский гневно писал: «Старца бросают в вулкан, извергающий его на землю. Меньшикова целуют три миллиона губ (после каждого ста поцелуев его ведут в баню). Со всех концов сносят груды сочинений Л. Толстого, которые бросают в костер. Вокруг костра начинается свистопляска»². Так Воровский умело использовал перо публициста-сатирика для разоблачения насквозь прогнившего самодержавного строя.

Партийный публицист Воровский блестяще владел всем арсеналом журналистского мастерства. Он был всегда во всеоружии в борьбе за дело Коммунистической партии. Советским журналистам хорошо бы постоянно помнить его слова: «Будь холоден или горяч, но не будь тепл. А в революционный период быть теплым значит охлаждать горячих»³.

¹ В. В. Воровский. Соч., т. II, стр. 469.

² Там же, стр. 471.

³ В. В. Воровский. Избранные произведения о первой русской революции, стр. 175.

Многогранен был талант В. В. Воровского. Его публицистику отличают и широта тематики, и боевое партийное содержание, и блестящее литературное мастерство. Все это явилось результатом его большой и напряженной работы как партийного деятеля, ученого-исследователя, публициста-литератора, пролетарского газетчика. Куда бы ни посылала партия Воровского, он всегда был ее верным бойцом. Какие бы сложные задачи ни ставились перед ним как партийным публицистом, он выполнял их с честью. Вацлав Вацлавович говорил: «Большевик всегда останется большевиком, какие бы функции на него ни возлагали»¹. Верный ленинец в острых идеологических сражениях неизменно находился рядом с вождем. Ленин для Вацлава Вацлавовича был и мудрым учителем, и товарищем, и другом, и великим примером мужества, верности и непоколебимости в борьбе за пролетарское дело.

¹ Цит. по: *И. Верховцев. Жизнь, отданная великому делу*, стр. 130.

ИЗ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО
НАСЛЕДСТВА
В. В. ВОРОВСКОГО

КОРАБЛЬ-СКИТАЛЕЦ¹

На заре туманной юности европейской буржуазии, когда мрак первоначального накопления озарился приветливым блеском американского золота, сложилась легенда о голландском моряке, обреченном на муки вечного скитания. Гонимый и терзаемый злыми демонами буржуазии — демонами, возникшими из потоков крови и слез, пролитых ради нового божества — золота, злополучный корабль носился по бесконечному простору морей, не видя исхода своим страданиям. Буржуазия свалила на это детище своей фантазии всю ту гору преступлений и злодеяний, которая тяготела на ее совести, и предала злосчастного скитальца проклятию, заслуженному ею самой. Отверженный корабль был обречен на бессмертие до тех пор, пока какое-нибудь невинное существо не пожертвует ради него своею жизнью. Только тогда снималось с него проклятие и он мог найти спасение в гибели. Так уже с колыбели совесть буржуазии причалась к мысли, что ее преступления должны искупать невинные жертвы, не обагрившие рук в крови тружеников, не отяготившие своей души награбленным золотом,

Прошли века, и мрачная легенда, пугавшая когда-то суеверных моряков, воплощенная в песню и музыку, стала невинной забавой повелителей мира. Летучий голландец не тревожит больше сна купцов и мореплавателей, им не пугают плачущих детей в рыбацких хижинах. Разрумяненный и разряженный, подвизается он на подмостках оперной сцены, где на холщовых волнах качается картонный корабль-призрак...

¹ В. В. Воровский. Избранные произведения о первой русской революции. стр. 9.

Прошли века; рассеялась, как сон, странная сказка о корабле-скитальце, носившем по морям бремя преступлений буржуазии. Но сами эти преступления остались неискупленными; они накоплялись и росли, ожидая, пока невинная жертва с чистой душой и незапятнанной совестью искупит их, чтобы расчистить путь солнечным лучам, проложить человечеству дорогу в царство справедливости и счастья.

Рожденный смелой мыслью и страстной жаждою свободы, появился опять на волнах моря корабль-скиталец — не призрак, не порождение беспокойной совести — нет, могучий броненосец, полный боевой отваги, гордо поднявший на свободной стихии красное знамя свободы. И, как бы в знак того, что он пришел искупить темное прошлое господствующего строя, на его борту красовалось ненавистное имя «Князь Потемкин Таврический».

Сколько трагической поэзии в судьбе этого скитальца, дни и ночи обреченного носиться по далекому морю, одинокого, отрезанного от друзей, преследуемого врагами. Зловеще смотрят убийственные жерла пушек, день и ночь стоит на часах зоркая стража, каждую минуту готова команда идти в бой, — враг не решается подойти к этой плавучей крепости, — нет приюта отважным: берег враждебно отталкивает их от себя, грозя гибелью, и только море, не знающее цепей рабства, протягивает братские объятия этим борцам за свободу.

Разве не такова же была судьба всей русской революции? Разве в этом корабле-скитальце не отражалась, как в символе, вся долгая, тяжелая борьба за свободу и счастье обездоленных масс? Десятки лет скитались пророки и борцы революции по пустынному морю, не находя приюта, одинокие, отверженные, погибая сотнями под бременем борьбы и страданий. Как легендарный летучий голландец, несли они на себе проклятие за чужие грехи. Враги безжалостно травили и преследовали их, измена друзей доводила их до отчаяния; а те, ради кого они надели на себя терновый венец, бежали от них, как от прокаженных, полные суеверного страха, что встреча с кораблем-скитальцем принесет несчастье. Так боролись и страдали они долгие годы, эти первые ласточки революционной весны, и гибли с глубокой верой, что придет день, когда корабль-скиталец при радостных криках народа войдет в гавань и бросит, наконец, свой заржавевший якорь.

Шли годы. Неискупленные грехи господ жизни едкими каплями падали на плотную народную глыбу, разрушая ее, а вместе с тем разрушая и ту опору порядка, которая казалась непоколебимой вовеки. Народные массы, недавно еще с тупым безразличием или суеверным страхом смотревшие на скитальцев-революционеров, начали все больше и больше понимать, что ради их блага и счастья борются и страдают эти отверженные. Вместе с тем и из самой этой массы народной начали выделяться сперва одиночками, а там десятками и сотнями такие же борцы за свободу, готовые отдать себя великому делу счастья человечества, готовые променять свой покой на муки скитания. Изменились времена, изменились люди. Старый образ корабля-призрака, обремененного чужими грехами, ищущего искупления человечеству ценой своей гибели, развеялся при свете сознания масс. Его место занял могучий броненосец — символ народной борьбы, броненосец, где нет господ, нет властей, где дух единства и братства ведет к заветной цели сотни и тысячи борцов.

Правда, и этот броненосец русской революции остается по-прежнему кораблем-скитальцем; правда, и он обречен еще носиться по морскому простору, и его с дикой ненавистью отталкивают берега. Но вдали, за рядами врагов, за жерлами пушек, он видит проходящие стройными рядами толпы друзей-рабочих, он видит красные знамена, гордо развевающиеся по ветру; но за воем ненависти, летящим с враждебных берегов, он слышит радостные возгласы привета, гимн разгорающейся революции. И корабль-скиталец озаряется радостной надеждой; он видит, что близок миг, когда он соединится со своими братьями в дружной борьбе за свободу.

Корабль-призрак старой буржуазной легенды мог найти искупление только в гибели. И это понятно. Корабль, обремененный всеми преступлениями и грехами буржуазии; корабль, носивший на себе лишь несчастье за проклятье; корабль, которому суждено было снять бремя, давившее совесть рыцарей наживы, мог исполнить свою задачу, только погибнув. В таинственной глубине моря должны были навеки исчезнуть пропитанные кровью и слезами преступные воспоминания.

Корабль-скиталец русской революции исполнит свою задачу, только победив, только одержав верх в борьбе. Он несет на себе светлые надежды трудящихся и угнетенных масс, и этот ценный груз не может поглотить пу-

чина моря. Море вольнолюбиво, оно не будет могилой надежд революции. Только победой искупит броненосец революции грехи существующего строя и откроет путь для светлой борьбы за счастье человечества.

Корабль-призрак старой буржуазной легенды мог искупить свои грехи, мог погибнуть только тогда, когда невинное существо жертвует за него своею жизнью. Торгаши не могли выдумать другого рода искупления. За их грехи, за их преступления должна быть принесена в жертву чужая жизнь, жизнь невинного существа. Во все времена истории насильники и хищники таким образом расплачивались за свои злодеяния.

Корабль-скиталец русской революции может достичь своей цели, может одержать победу, только принеся в жертву виновников греха и преступления — шайку насильников и злодеев. Те, кто в течение столетий были жертвами грабежа и насилия, те, кто своею кровью и своими слезами вечно искупали прегрешения богатых и сильных, могут искупить преступления существующего строя, только принеся в жертву их виновников. В тот момент, когда под напором народной волны рухнет подгнившее здание насилия, погребая под своими обломками его владык, корабль-скиталец русской революции бросит якорь у берега свободной страны.

«Князь Потемкин Таврический» сдался румынским властям. Но разве это поражение революции? Нет, вся кампания этого первого революционного броненосца была сплошной победой революции. Разве она не раскрыла бессилия противника? Разве она не разоблачила революционного брожения в самой, казалось, прочной опоре трона — флоте и армии? Разве она не заставила Николая унижаться до просьбы о помощи у иностранных держав? Разве она не сорвала отрепьев порфиры, прикрывающих наготу самодержавия? Нет, не на этом одном судне покоились надежды русской революции. Его история была лишь одним из эпизодов, одним из многочисленных эпизодов ее. Тот могучий броненосец, которому суждено освободить Россию, корабль-скиталец русской революции, — он жив, он цел, грозной громадой надвигается он на врага, зловеще сверкают жерла пушек, жаждой боя стораает команда, а высоко в воздухе радостно бьется и трепещет красное знамя свободы.

(Без подписи)

«Es irrt der Mensch solange er strebt», — говорит Гёте («Пока человек стремится к чему-нибудь, он ошибается».) Наши друзья из новой «Искры» уже два года стремятся, и притом безуспешно, испепелить большинство и в этом стремлении постоянно попадают впросак. Но к счастью для тех товарищей, которые доверчиво отдают себя под идейное руководство бывшего ЦО, существует строгий наставник — сама жизнь, которая жестоко карает за всякие ошибки и волей-неволей заставляет выезжать на верную дорогу.

Героическая эпопея матросов броненосца «Князь Подемкин» оказалась таким воспитательным пинком для авторов «восстания-процесса» и «вооружения-процесса». И, чем неумолимее разрушал этот урок жизни сложную паутину иллюзий, тем больше должны были волноваться идейные обитатели этой паутины, упрямо твердя свои старые слова. С новоискровцами случилось то, что бывает со всяким человеком, потерпевшим идейное крушение: признав одно за другим все конкретные положения противника, они с забавным упрямством продолжают отвергать его принципиальную позицию. Признав по частям все то, что входит в понятие «плана восстания», они упорно отрицают самый план, твердя о «восстании-процессе».

Вот что пишет «Искра»² в передовой статье № 104: «В головах организованных матросов давно уже зародился определенный план того восстания, которое они начнут, овладев всеми судами. Согласно этому плану, революционный флот забирает Одессу, поднимает восстание на Кавказе. Вы же, — говорили матросы Крымскому союзу, — дайте в это время знать Польше и Петербургу, чтобы поддержали...

— Нельзя было ничего возразить по существу против этого боевого плана, — прибавляет по этому поводу «Искра», — можно сказать, что он сам собой напра-

¹ В. В. Воровский. Избранные произведения о первой русской революции, стр. 13.

Полемиическая статья В. В. Воровского, направленная против оппортунистической линии меньшевиков, захвативших в свои руки «Искру» и превративших ее (начиная с № 52) из центрального органа партии в орган заграничного кружка раскольников и дезорганизаторов. — А. Б.

² Здесь и в дальнейшем в статье имеется в виду новая, оппортунистическая «Искра». — А. Б.

шивался как вывод из данного положения революционных сил». Как же это, однако? Готовящийся восстать флот составляет вперед план грандиозного восстания, и против этого «Искра» ничего не может возразить? Он постановляет «забрать» Одессу, «поднять восстание» на «пока еще спокойном», по словам «Искры», Кавказе, призывает к поддержке Польшу и Петербург — и все это, не узнав порядком, успела ли меньшевистская агитация «вооружить массы могучей потребностью самоворужения», успела ли она обеспечить за их «группами» политическое (боже, избави, только не техническое!) руководство? Однако «Искра» говорит, что «нельзя было ничего возразить по существу против этого боевого плана». Она одобряет этот конкретный план с тем, чтобы несколькими строчками ниже предать анафеме всякие планы, самую идею плана восстания.

Морякам с «Потемкина» пришлось отказаться от своего плана просто потому, что, прежде чем выяснилась позиция их товарищей на других судах, возникло восстание на самом «Потемкине» и началась уличная борьба в Одессе. Этот отказ от плана приводит «Искру» к такой морали: «С самого начала, следовательно, на этом восстании сказалась тщета столь обычных еще у нас упований на повсеместное восстание, начатое «по плану». И в пояснение этого приводится следующее рассуждение: «К восстанию нас приближает прежде всего наша широкая агитационная деятельность, а ее развитие по необходимости вызывает в массах то революционное брожение, которое не ждет сигнала свыше, чтобы вылиться в отдельном восстании. Задача организации революции начинается с того момента, когда восстание вспыхнуло или неудержимо готово вспыхнуть; возможность этой организации и всех подготовительных для ее успеха действий дается общей революционной атмосферой (подумайте!), в которой возникают восстания не как случайные эпизодические акты, но как необходимые следствия острого столкновения общественных сил».

Если из этого потока прутковской мудрости выудить таящийся в нем перл, то сей перл предстанет в таком виде: готовить, организовать восстание могут только «герои голубиноного полета»; когда «в общей революционной атмосфере» восстание уже вспыхнуло, как «необходимое следствие острого столкновения общественных сил», только тогда революционеры должны приступить к «организации революции».

«Искра» договорилась даже до формулы: «Нача восстание, надо организовывать революцию в ходе восстания». Революция есть длительный исторический процесс, знаменующий собой переворот в общественных или политических отношениях. Восстание есть один из эпизодов этого процесса. Революция есть стихийное явление в восстание могут быть внесены элементы сознательности. Революция есть целое, восстание — ее часть. Теперь поймите, как «организовать революцию» в «ходе восстания»? Это то же, что организовать войну в ходе сражения. Формула эта относится к той же категории понятий что и 48-е марта гоголевского персонажа.

Если этот новоискровский перл революционной тактики перевести на военную терминологию, — а ведь революция, по выражению Маркса, есть война, и притом самая справедливая война, — тогда получится следующее: когда «в процессе войны», как «необходимое следствие острого столкновения двух армий», вспыхнула битва, тогда штаб, офицеры и вообще все руководители солдатской массы приступают к «организации сражения». Картина заманчивая. Этой тактики придерживалось, по видимому, русское правительство в настоящую войну (имеется в виду русско-японская война 1904—1905 гг. — А. Б.).

И с этой точки зрения критикует «Искра» неудачу первоначального плана моряков*. Между тем даже те факты, которые приводятся в передовице «Искры», учат совсем другому. План матросов рухнул потому, что восстание в Одессе началось раньше, чем восстал флот. План матросов вовсе не имел в виду «повсеместное восстание», непосредственно он включал только побережье Черного моря, т. е. район, над которым беспрепятственно властвовал бы восставший флот. Таким образом, удачное восстание флота равнозначило бы победе революции в данном районе. И план моряков был превоскоден. И права «Искра», когда, наперекор самой себе, хвалит этот план. Но план этот приводился в действие односторонне. Подготавливалось восстание во флоте, но побережье — Одесса, Николаев, Кавказ — не было посвящено в план. И довольно было стихийной вспышки одесского пролетариата, чтобы весь план рухнул.

* Еще Мефистофель у Гёте говорил про новоискровцев: «du glaubst zu schieben und wirst geschoben», т. е. вы думаете, что сзади подталкиваете массу, в действительности она вас тащит на буксире, а вы поете гимны, созерцая ее казенную часть.

Между тем при всестороннем осуществлении плана сознательное воздействие социал-демократии могло бы сдерживать пролетариат, а тем самым и широкие массы народа, от преждевременного выступления. Если социал-демократия не способна проявить такое воздействие на рабочую массу, тогда ей лучше всего сложить оружие или уйти в организацию легальных профессиональных или потребительских союзов. Если же она действительно пользуется таким влиянием, тогда план моряков был очень легко осуществим, и победа революции, — быть может, только частичная, временная, но все же победа, — была бы обеспечена. Но излюбленная новоискровцами стихийность восторжествовала, и попытка восстания была раздавлена в зародыше. И нет ничего пошлее пустозвонной фразы «Искры»: «Революционерам не придется сожалеть, что взрыв на «Потемнике» произошел до того, как матросам удалось подготовить восстание во всем флоте». Нет, всякому революционеру, которому дело дороже трескучей фразы, придется пожалеть об этом, как и всегда придется жалеть о всякой непроизводительной растрате сил революции. Это не значит осуждать моряков «Потемкина». Не зная всех обстоятельств дела, мы не возьмемся судить тот или другой шаг людей, борющихся в России, как не возьмемся и советовать из Женевы, идти ли броненосцу на Кавказ или нет. Но когда в социал-демократической газете превозносят неудачи и ошибки, являющиеся результатом неорганизованности, неподготовленности, господства слепой стихийности, тогда мы должны показывать товарищам, что потеряла революция от той или другой неудачи или ошибки.

Отказ моряков от первоначального плана доказывает вовсе не то, что хотелось бы «Искре», вовсе не «тщету упований». Напротив, весь этот инцидент наглядно доказывает, что, как только действительные революционеры действительно взялись за подготовку действительного восстания, они начали с выработки плана. Мало того, этот инцидент доказывает, что даже революционеры из новой «Искры», как только им приходится разбирать конкретное проявление народного восстания, по необходимости «стихийно», как все у них, сбиваются на точку зрения «плана восстания». В самом деле, послушайте, что говорит «Искра», когда от общих мест переходит к критике реального факта.

«Действительной причиной неудачи восстания явилась общая неподготовленность к восстанию данных ре-

волюционных элементов». Но, быть может, вы думаете, что «Искра» говорит о неподготовленности в смысле недостаточного развития классового самосознания в пролетариате, в смысле недостаточного вооружения масс «жгучей потребностью самовооружения»? Ничего подобного! Неподготовленность выразилась главным образом в отсутствии надлежащей организации, в отсутствии осведомляющего и объединяющего аппарата. Знали ли одесские рабочие, широкие слои их, спрашивает «Искра», каковы задачи рабочего класса по отношению к народному восстанию? Знали ли они, до какой степени успех восстаний зависит от решительных коллективных действий всех слоев народной массы, бьющих в одну точку, уничтожающих правительственную власть, «развязывающих» народную революцию? Привыкли ли они к планомерным массовым действиям, опирающимся на широкие, массовые же организации? Привыкли ли они, научились ли они выступать как политический авангард народа, заинтересовывая в успехе восстания непролетарские слои населения, знакомя их с политической программой революции? Знали ли ближние крестьяне, что им нужно было идти в восстающий город? Знали ли рабочие окрестных городов, что им надо во что бы то ни стало помешать концентрации военных сил в Одессе, что они должны разрушать железные дороги, устраивать железнодорожные стачки, отвлекать войска собственными «беспорядками»?

Если этот ряд вопросов обернуть, придав им утвердительную форму, то получится следующий план организации восстания: местная организация выясняет пролетариату его роль в народном восстании, его роль авангарда и руководителя. Она пользуется всяким случаем, чтобы приучить его к «планомерным массовым действиям» (т. е., очевидно, действиям по заранее определенному плану). Наряду с этим она, с одной стороны, разъясняет пролетариату роль других слоев народа в восстании, с другой — старается заинтересовать эти слои в революции, знакомя их «с политической программой революции» (?? вероятно, с программой-минимум социал-демократии?). Она устанавливает организационные связи с окрестными деревнями, чтобы в момент восстания поднять крестьян на помощь городу. Она сносится с соседними городами, в которых рабочие во время восстания будут «разрушать железные дороги», устраивать стачки и «беспорядки и вообще отвлекать силы пролетариата»

(почему бы им прямо не присоединиться к восстанию? или это будет уже преступный план?). Одним словом, она подготавливает все общественные силы и внешнюю обстановку так, чтобы в определенный момент* двинуть народные массы на планомерную, целесообразную, организованную борьбу с правительством. В этой картине не хватает только вооруженных дружин, но о них «Искра» не могла говорить в форме вопроса в то время, как на улицах Одессы дрались вооруженные рабочие и строились баррикады.

Таким образом, картина, которая скрыта в вопросах, поставленных «Искрой», заключает в себе в общих чертах тот самый план восстания, о котором уже в течение стольких месяцев, употребляя искровское выражение, «долбит» «Ленин с братией». Слава богу, что наконец-то удалось вдолбить его в головы любезных товарищей.

Эта картина организации восстания была бы неполна, если бы мы упустили задачи, которые «Искра» ставит восставшим одесситам. «Взять город в свои руки, — говорит она, — провозгласить в нем низвержение царской власти и организовать республиканское самоуправление граждан». Вот это так. Всегда мы это говорили. Только напрасно «Искра» боится назвать это «республиканское самоуправление» настоящим именем: временное правительство. «Республиканским самоуправлением» может быть только власть, вышедшая из всеобщих выборов. Власть же, организованная победителями-революционерами впредь до созыва учредительного собрания, так называется: временное правительство. Принимая, хотя и поневоле, известные положения, следует принимать и соответствующую им терминологию, а то опять получится путаница.

Да, назидательны уроки жизни! И чем настоятельнее эти уроки заставляют новоискровцев отказываться от их ложной позиции и принимать точку зрения, которую давно уже наметил «Вперед» и продолжает развивать «Пролетарий»¹, тем больше раздражения проявляет «Искра». Приходится наблюдать то интересное психологическое

* Определится ли этот «момент» случайным столкновением какого-нибудь рабочего с городовым или массовой стачкой «по заранее обдуманному плану», — это неважно. Важны наличность революционного настроения масс, подготовленность организации, руководящее влияние социал-демократии на массы.

¹ «Вперед» и «Пролетарий» — большевистские газеты 1905 года. — *Ред.*

явление, когда люди, уличенные самою жизнью в ошибке и вынужденные принять другую точку зрения, бешено нападают на тех, кто имел счастье или несчастье раньше их формулировать эту правильную точку зрения. Да, как это ни забавно, а от той или другой позиции зависит настроение и расположение духа «политиков». Почему это в нас, «большевиках», нападки новоискрывцев вызывают только улыбки и веселое расположение духа и почему наша критика, почему «галеркина * литература» так сердит «меньшевиков» и заставляет их раздражаться потоками брани? За двухлетний период накопился у нас определенный опыт. Когда интенсивность брани на страницах «Искры» заметно увеличивается, мы уже знаем, что новоискрывцы вынуждены были отказаться от какой-нибудь из своих ошибок и принять вместо этого наше положение. Как некоторые химические реакции сопровождаются шипением и выделением не особенно душистых газов, так и усвоению новоискрывцами наших положений неизбежно сопутствует выделение обильных потоков брани.

(Без подписи)

«Пролетарий» № 11, 27 июля 1905 г.

СЕВАСТОПОЛЬСКОЕ ОДОЛЕНИЕ ¹

Правительство еще раз победило. В Севастополе царит «порядок». Восставшие матросы сдались; лейтенант Шмидт взят в плен. Над мятежным городом опять развевается правительственное знамя «порядка», опять господствуют Чухнин и Неплюев, готовящие кровавые переговоры тем самым матросам, которые вчера, руководимые чувством благородства и великодушия, пощадили их, отпустив из плена. Господствующие классы никогда не прощали великодушия тем, кого они привыкли считать своими рабами. И севастопольские «мятежники», отпустив на волю г. Неплюева и К°, заслужили этим более жестокое возмездие, чем открытым восстанием против старого порядка.

Полвека тому назад старей, — но, увы, все еще живущий — порядок потерпел в Севастополе военный разгром. Разгромили его чуждые державы, но эти держа-

¹ В. В. Воровский. Избранные произведения о первой русской революции, стр. 20.

вы невольно являлись представителями нового порядка — порядка конституционно-демократического, — того самого порядка, за который борется теперь Россия. Теперь борцами за прогресс, за новый мир, выступают прогрессивные, творческие силы самого русского общества, и полуистлевший самодержавный строй напрягает все свои силы, чтобы сломить молодые побег, чтобы продлить хотя на день, хотя на час столь дорогую ему обстановку произвола. И на этот раз он еще победил. Сегодняшний день принадлежит ему. А завтра?

Старый порядок проявляет пока свою силу только в борьбе со своими же подданными, особенно с безоружными гражданами. Христолюбивое воинство, позорно бежавшее перед натиском японцев, проявляет неукротимое мужество в борьбе с бунтующими рабочими, крестьянами, интеллигентами. Офицеры, разоблачившие свое невежество и бездарность в настоящей войне, изощряют свой военный гений на мирно гуляющей публике, на не отдавших честь солдатах. Победоносная армия уравнивает позор Ляояна подвигами во время еврейских погромов, позор Мукдена — оргией военного положения в Польше, позор Порт-Артура — бойней в Кронштадте и Владивостоке. И нет такого позорного воспоминания из русско-японской войны — а все эти воспоминания полны позора, — которое не было бы залито кровью русских граждан — на Кавказе, в Польше, в самой России, кровью армян, евреев, поляков, кровью рабочих, интеллигентов, крестьян.

Но каждая такая «победа» христолюбивого воинства есть новое поражение, поражение более глубокое и серьезное, чем Порт-Артур и Мукден, вместе взятые. Ибо каждая такая «победа» толкает в ряды революции все более и более широкие слои русского общества.

9 января, как по мановению волшебного жезла, революционизировало всю массу пролетариата. Прошло 10 месяцев, и разрозненная, пестрая, малосознательная масса рабочих превратилась в сплоченную, дружную армию революции, армию, у которой друзья старого порядка могли бы поучиться многому по части организованности, дисциплины, боевой готовности. Черносотенные подвиги правительства окончательно толкнули на путь революции интеллигенцию и широкие слои еврейского населения. Военное положение довершило революционизирование Польши, как несколько месяцев тому назад оно же сделало Кавказ могучей крепостью революции. Режим гнета

и репрессий вооружил против правительства Финляндию и Прибалтийский край.

Но оставалась еще громадная масса крестьянства, которая могла и должна была решить роковую тяжбу между старым и новым порядками. Куда пойдет эта масса? На чью сторону она встанет? Чью чашку весов перетянет она, решая участь России? На эти вопросы никто не мог дать прямого ответа. Мы учитывали революционные элементы в крестьянстве, предвидя, что борьба выдвинет именно их на первый план, и мы призывали крестьян под красное знамя революции. Наши противники учитывали в крестьянстве элементы реакционные, на них строили свои расчеты, давая крестьянам такой перевес в Государственной думе, желая перетянуть их под трехцветное знамя порядка.

События разрешили эти сомнения. Крестьянское движение оправдало наши расчеты, правительство оправдало наши ожидания, с обычным умом и дальновидностью двинуло оно против крестьян свое всесильное средство — казаков и пулеметы. И крестьянское движение окончательно вовлечено в круговорот всероссийской революции. Последняя социальная опора ускользнула из-под ног самодержавия.

Что же остается в руках старого порядка? «Войско!» — самоуверенно кричат треповидные герои, бия себя в грудь, увешанную крестами за Ляоян, Кишинев, Мукден, Баку, Порт-Артур, Одессу и другие подвиги. — «Войско!» — Войско? — Посмотрите на это войско, на ваше последнее убежище! Где оно? Разве не показали Владивосток и Кронштадт, Одесса и Севастополь, *что у правительства нет больше флота?* что весь флот перешел на сторону революции? Разве не показал Харбин, манчжурская армия и японский плен, что и сухопутных войск у правительства становится все меньше? Главная масса войска находится там, на Дальнем Востоке, и правительство не решается его вернуть, так как оно знает, что это войско *в большей мере усилит ряды революции, чем ряды реакции.* Разве каждый день не показывает, как трещит по швам военная организация, как сухопутная сила внутри Европейской России постоянно распадается на армию революции и армию контрреволюции?

Этого могут не понимать только люди, лишенные разума от рождения или утратившие его в долголетней беспорочной службе. Всякий же человек, способный разбираться в событиях, видит ясно, что сева­стопольское

одоление, — это Пиррова победа, что еще такая победа — и треснувшее по швам здание самодержавия рассыплется в прах.

Н. Адамович

«Новая Жизнь» № 17, 19 ноября 1905 г.

В НОЧЬ ПОСЛЕ БИТВЫ¹

I

Когда ночь опускает свой покров на поле битвы и разделяет борющихся, — наступает момент учета итогов дня, определения потерь и завоеваний. Тогда разбитый противник спешит отступить под прикрытием темноты, а победители, не рискуя преследовать во мраке, предаются торжеству и радости. На поле битвы остаются только трупы и раненые, — и вот среди них начинают появляться темные фигуры мародеров, шарящие по карманам, снимающие кольца с рук, образки с груди. Ибо ночь после битвы принадлежит мародерам.

Вчера еще они прятались от опасности боя по рвам и оврагам, многие еще вчера состояли — а больше числились — в рядах побежденной теперь армии, но темнота ночи сделала их храбрыми, и они спешат обобрать с доспехов и ценностей тех, кому вчера до хрипоты кричали «ура». Ибо мародеры суть мародеры, — их дело воодушевляться больше всех в случае победы и обшаривать карманы павших товарищей в случае поражения.

Роль таких мародеров сыграла в русской революции так называемая интеллигенция, то есть средняя и мелкая буржуазия свободных профессий, либеральная и радикальная, кадетская и беспартийная, политическая и беллетристическая, что, впрочем, у нее мало различается.

Едва победа начала заметно склоняться на сторону «порядка», то есть реакции, как из «единой освободительной армии» выскочил г. Струве с своей знаменитой «дезорганизацией народного хозяйства посредством стачек» — тех самых стачек, на которых господа кадеты вышли в люди. От него не отстал, конечно, г. Изгоев, обративший все свои слабые познания по марксизму против социал-демократии. И пошла писать губерния! Еще

¹ Из статьи, написанной в 1908 г. — в период реакции, наступившей после поражения первой русской революции (*В. В. Воронский. Литературно-критические статьи, стр. 158*).

у всех свежи в памяти мародерские похождения г. Милюкова с «красной тряпкой» и «ослами».

Куда конь с копытом, туда и рак с клешней. По мере того, как сгущались сумерки ночи, начали выходить на мародерские промысла и так называемые «левые» с «Товарищем», «Столичным утром» и прочими во главе. Сначала они обшаривали только «большевиков» в надежде, что этим обманут общественное мнение революционных слоев. Это им отчасти удалось. Даже некоторые из социал-демократов поддались сему обману и помогали мародерам из «Товарища», придерживая за руки упорствующих «большевиков». Но когда ночь настолько стала черной, что трудно было отличать «бе» от «ме» — проворные руки мародеров нырнули с таким же успехом и в «меньшевистские» карманы.

Как некогда слишком яркий свет слепил нашу интеллигенцию и вызвал в ней головокружение, так темнота ночи вызвала в ней мародерские наклонности и толкнула на путь «пошаливания».

Своеобразные формы приняло это мародерское «пошаливание» у интеллигенции беллетристической. Она тоже начала запускать руки в карманы вчерашних борцов, но тут наметились два течения. Не знаю — темперамент ли тут виноват, психологические различия или просто «соображения», — только часть ударилась в мрачную переоценку ценностей, апеллируя от сознательной, созидательной борьбы к дикой разнузданности разрушительных, анархических сил, другая же часть, напротив, начала искать утешения и улады в женских (а то и мужских) телесах, углубляясь в «тайну пола». Тощие брюнеты стали пессимистами, жирные блондины — гедонистами.

Характерными выразителями этих двух течений явились Леонид Андреев и Федор Сологуб, как они представлены в третьей книжке альманахов «Шиповника». Они оба выступают здесь в типичной роли мародеров. Только костюмы у них разные и разный грим. Оба они залезают мародерскими дланями в политику, в жизнь и дела революционеров, героев вчерашней битвы, и, когда они уходят со страниц книги, вы видите, что на «обработанных» борцах не осталось ни одного ценного предмета. Только мрачный брюнет Леонид Андреев делает это с подобающим брюнету демоническим взглядом, а жизнерадостный блондин Федор Сологуб — беззаботно посвистывая и подплясывая матчиш...

Бегство мелкобуржуазной интеллигенции от пролетариата представляет исторически неизбежное явление. После неудачных революционных взрывов оно сказывается особенно резко. Но русская интеллигенция и это дело не могла обставить сколько-нибудь прилично: она делает его в наиболее унижительной форме — в форме мародерства. И в конце концов совершенно безразлично, что бы ни противопоставляли «правде» борцов вчерашнего дня: «разумную» ли умеренность «реальных политиков», анархическое ли тождество «тьмы», разгул ли обезумевшей плоти, ибо здесь только разница темпераментов, а смысл один и тот же: бегство неустойчивых, безвольных общественных элементов от упорной, последовательной, неослабной борьбы.

В добрый час, господа. Жалеть о потере не придется. Но скажите — в интересах вашего же самоуважения, скажите — неужели вы не можете совершить своего отступления без мародерства, без отравления воздуха миазмами тления?

П. Орловский

Сборник «О веяниях времени», 1908.

В КРИВОМ ЗЕРКАЛЕ¹

...Злополучная судьба преследует журнал «Образование» с тех пор, как он перешел в руки «понедельничных» людей.

Сначала из этого журнала ушли все марксисты — почти все, осталось человека два-три полумарксиста, переданных, по-видимому, старой редакцией новой вместе со столами, стульями, чернильницами и прочим инвентарем.

Затем на новое «Образование» обрушился гнев кадетов, поспешивших себя отгородить от сего «образовательного» предприятия.

И вот теперь опять появились в «Слове» два письма, подписанные: одно — гг. Богучарским, Прокоповичем и Философовым, другое — гг. Гиппиус, Мережковским и опять тем же Философовым.

¹ Под такой рубрикой за подписью «Фавн» в газете «Одесское обозрение» начиная с 1908 г. публиковалась серия «Маленьких фельетонов» В. В. Воровского на актуальные общественно-литературные темы. Приводится один из таких фельетонов. — А. Б. (В. В. Воровский. Литературно-критические статьи, стр. 403).

(Почему г. Философов подписался два раза, не известно. Вероятно, это надо поставить на счет его раздвоенной души.)

В этих письмах подписавшиеся заявляют, что выходят из «Утра» («Понедельник» тож) и из «Образования» и уводят оттуда приглашенных ими лиц. Что за комиссия? По какой причине бегут из злополучного журнала сотрудники столь различного направления?

Очевидно, имеется какая-то общая причина, препятствующая работать совместно со «стаей славных» г. Василевского и марксистам, и либералам, и демократам, и «богоискателям».

И причина эта, по-видимому, не личного, а принципиального свойства.

В момент упадка и апатии, охвативших нашу интеллигенцию после «несбывшихся желаний», образовалось особое течение, частью непосредственно отражавшее возникшую в обществе реакцию, частью подладившееся к ней.

Это течение ухитрилось соединить радикальную, ультраоппозиционную фразеологию с чисто реакционным дискредитированием недалекого прошлого, стоившего нашим «дядям Ваням» горьких разочарований.

Задорная, хлесткая болтовня, за которой легко было заметить полное отсутствие какого-либо политического или этического багажа, издевательство над всем, над чем можно было хоть сколько-нибудь упражнять свое зубоскальство, сластолюбивое смакование «проблем» пола, а поверх всего отчаянная и беззастенчивая реклама своей компании — вот содержание и средства воздействия этого нового типа журналистики.

И как бы символизируя свою роль похмелья после тяжелого пира, это течение приурочило свою деятельность к понедельнику — ко дню, когда «полощут зубы», очищаются от угара предыдущего дня.

Разухабистая, крикливая, наглая, с синяком под глазом, в заломленном на затылок помятом цилиндре, шла «понедельничная» пресса, разрешая развязным жестом вопросы политики, социального быта, этики, литературы, искусства — и все это с кондачка, все с апломбом, не допускающим возражений.

«Понедельничным» героям стало тесно в газете. Они нашли, что уже достаточно «реформировали» прессу, и решили обзавестись толстым журналом для «реформы» и этого дела.

Случай толкнул им в руки «Образование», и, купив его, «понеделничники» выразили полную готовность вместить в свои понеделничные традиции марксистские традиции журнала.

Он рад, но мы не рады.

Люди, имевшие хоть какие-нибудь политические, философские или религиозные убеждения, постепенно отталкивались от участия в нелепом винегрете «Чего изволите-с?», где, по замыслу руководителя, лев должен был почивать с ягненком, но не в силу вечного мира, а в силу собственной внутренней импотенции.

Этот разрыв знаменует, на наш взгляд, отрадный поворот (тьфу, тьфу, не сглазить!). Как будто в среде интеллигенции, так еще недавно действительно одержимой политической импотенцией, позволявшей ей якшаться с кем попало, начинается новое возрождение: притекают новые силы, организм крепнет, а вместе с тем в нем пробуждаются интерес и вкус к жизни.

Он уже не хочет довольствоваться чем попало, он предъявляет свои личные вопросы и начинает их отстаивать.

Среди лиц и направлений, отвернувшихся от «понеделничной» компании, есть и такие, с которыми, конечно, солидаризироваться не приходится. Но одно дело — иметь перед собой противника с определенной физиономией и определенным мировоззрением, а другое дело — попасть в какое-то свалочное место, куда всякий несет отбросы своего «гения»...

Фавн

«Одесское обозрение» № 236, 28 сентября 1908 г.

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ? ¹
(маленький фельетон)

От великого до смешного — один шаг. От трагедии до пошлости и того меньше.

Трагедии за последнее время рождаются на Руси обильнее, чем хлеба, а пошлость входит, высоко задрав голову, со сладостным сознанием собственной ограниченности.

Вот перед вами маленький факт — один из тех бесчисленных маленьких фактов, из которых слагается печальная русская действительность.

¹ В. В. Воровский. Соч., т. II, стр. 459.

Воспитанница епархиального училища в Екатеринославе выбросилась из окна.

Какая мрачная бездна открылась в этой юной, едва распускавшейся душе и заставила ее предпочесть ужас и неизвестность смерти возможности жить, мыслить и бороться?..

Казалось бы, всякому человеку, мало-мальски чуткому, мало-мальски способному задумываться над тем, что происходит вокруг него, подобный ужасающий факт должен вбиться, как гвоздь, в мозг и не давать покоя, пока он не разрешит кровавой загадки этой гибели молодой жизни. А тем более, если этот человек по самому своему положению поставлен воспитателем юношества, формовщиком душ.

И чем — думаете вы — ответила на эту трагедию начальница епархиального училища?

Она велела «заделать все окна решетками» и «прекратить воспитанницам выдачу книг»!

Счастливая женщина! Она даже не понимает собственной ограниченности.

Вставила решетки, заперла на ключ библиотеку, написала соответствующее число «отношений» за такими-то номерами «исходящих» — и ест, и спит, и, быть может, безмятежно целует невинные головки своих детей или внуков.

Для ее души не существует трагедий...

Самоубийства среди учащихся приняли в последнее время характер какой-то страшной эпидемии. Ко всем ужасам пережитого, успевшим одеревянить душу обывателя, прибавился еще этот кошмар — самоубиение молодежи.

Во что превратилась жизнь, если она не имеет никакой цены в глазах тех, кому, казалось бы, она должна быть всего ценнее, ибо они еще не изведали ее, еще не прикасались к ее грязи, еще не успели разочароваться в ней?

Видно, что-то дикое, противоестественное творится в недрах общества; видно, что-то оборвалось внутри общественного организма, который заживо разлагается, отравляя своим трупным ядом свои собственные молодые побеги. Если этой лучшей — ибо наиболее искренней и чуткой — молодежи «жить нельзя», то кому же вообще жить?

А в ответ на все эти трагедии у нас есть лишь одно старое, освященное веками средство: «Заделать решет-

кой окна, запечатать книги». И что бы ни совершалось, в каких бы судорогах ни извивался общественный организм, какие бы бездны ни открывались у нас под погами, — мы знаем только одно: решетка в окна, замок на книги. Так делали отцы и деды, и крепка этим была Русь.

Обрешетили все — не осталось, кажется, ни одного просвета без рокового железа; книги гниют в подвалах, а душа человеческая все так же бьется в корчах и счастлива, когда может вырваться из оков жизни и ринуться в ничто...

Что же дальше?..

Фавн

«Одесское обозрение», 18 декабря 1907 г.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ И РАБОЧАЯ МАССА¹

I

В последнее время в рядах Российской социал-демократической партии ведется усиленная агитация в пользу созыва так называемого рабочего съезда. Цель, назначение, характер этого съезда до сих пор, по-видимому, неясны самим его инициаторам; каждый из них иначе определяет их, но у них у всех одна руководящая мысль: искать средства исцеления партийных недугов вне партии, апеллировать от партии к классу, «вернуться спиной к партии» — по словам одних, «протянуть руку пролетариату через голову партии» — по словам других. Один более прямолинейный сторонник рабочего съезда даже прямо заявляет: «Лучше организованная масса без социал-демократии, чем социал-демократия без массы»*. Неудовлетворительность работы социал-демократической партии — или, правильнее, невозможность для нее удовлетворить гигантские потребности рабочей массы — факт, никем не отрицаемый. Несомненно также, что партия переживает тяжелый кризис — кризис, обусловливаемый частью внешними условиями, частью ее внутренним неустройством. Изучать недостатки партии, указывать ее ошибки, намечать пути и средства более благоприятного разви-

¹ В. В. Воровский. Избранные произведения о первой русской революции, стр. 374.

* Щегло. О рабочем съезде. СПб., 1906 г.

тия — это не только право, но и обязанность всякого члена партии. Однако в проектах спасения партии путем ее уничтожения или по меньшей мере подчинения менее сознательным элементам пролетариата кроется такой странный принцип врачевания, что подчас не верится в серьезность этих проектов. Убить, чтобы вылечить, — едва ли какой-нибудь врач признает такой принцип. Убить или искалечить душу классу, чтобы вылечить его тело, — едва ли с этим согласится социолог, стоящий на точке зрения марксизма. А между тем положение: «лучше организованная масса без социал-демократии, чем социал-демократия без массы» — представляет как раз этот принцип: обеспечить рост тела, хотя бы пришлось ради этого вытравить из него дух жив, — *propter vitam vivendi perdere causas*. И этот принцип, так откровенно сформулированный Щегло, поражает прежде всего своим глубочайшим презрением к *марксистской теории*, к теоретическому обоснованию отношения между социал-демократией и массой, между партией и классом.

Такое теоретическое обоснование было дано еще 60 лет тому назад в первой социал-демократической программе — в «Коммунистическом манифесте». По учению «Манифеста», пролетариат не представляет какой-то определенной, неизменной социальной величины; при своем возникновении он не представляет даже того, что обыкновенно называется *классом*. Он только *становится* классом в ходе развития капиталистического общества. В другом месте * Маркс развивает эту идею, отмечая две стадии в развитии пролетариата в класс: первая стадия, когда он сознает себя как класс по отношению к капиталу; назовем это условие стадией экономического самосознания. Вторая стадия, когда пролетариат — путем борьбы — конституируется как класс по отношению к самому себе; это — стадия политического самосознания.

На ранней ступени капитализма «рабочие образуют массу, рассеянную по всей стране и раздробленную конкуренцией». Если эта масса проявляет способность к солидарным действиям, то это «является пока не следствием их собственного объединения, а лишь следствием объединения буржуазии, которая для достижения своих собственных политических целей вынуждена и пока еще в состоянии приводить в движение весь пролетариат». Таким образом, на этой ступени развития рабочие игра-

* «Das Elend der Philosophie», Berlin, 1895 г., стр. 162.

ют еще роль орудия в руках буржуазии, так как их раздробленность и несознательность лишает их возможности вести свою классовую политику. «Но с развитием промышленности пролетариат не только увеличивается; он скучивается в больших массах, растет его сила и он все более сознает ее». Авторы «Манифеста» прекрасно понимали, насколько медленно и туго подвигается это сознание пролетариатом собственной силы. Но эта несознательность и представляет не что иное, как неспособность правильно понимать свои же интересы, интересы своего класса. Лассаль в 60-х годах указывал, что германские рабочие настолько забиты, что сами не сознают своей забитости. И авторы «Манифеста» не мало изумились бы, если бы прочли такую модную фразу: «Съезду (рабочему) придется разрешить целый ряд задач, связанных с современным положением дел в стране и им продиктованных. *И с какой же иной точки зрения* могут быть разрешены эти задачи, *как не с точки зрения интересов рабочих масс* (курсив мой), проникнутых интенсивным стремлением к самостоятельной организации для защиты этих интересов, хотя бы они субъективно и не становились на почву последовательной социал-демократической программы?!»* О каких интересах рабочих масс говорится здесь? Какая организация имеется в виду? Та ли организация, которая ставит целью защиту *непосредственных* — более понятных даже серому рабочему — (главным образом, экономических) интересов рабочих масс, организация, о которой Каутский писал, что в ней подчас проявляется «тенденция к кастовой обособленности, к одностороннему преследованию только более узких профессиональных интересов, не считаясь с общими интересами всех рабочих?»**. Или автор имеет в виду как раз эти «общие интересы всех рабочих» и ту организацию, которая превращает разрозненную массу рабочих в класс? Но тогда теоретически совершенно неверно, что «рабочий съезд» может разрешить все задачи только с точки зрения этих интересов. Ибо широкое понимание интересов класса предполагает уже тот высокий уровень классовой сознательности, достижение которого и составляет ближайшую задачу рабочего движения.

«Действительным результатом их (т. е. рабочих) борьбы, — говорит дальше «Манифест», — является не пе-

* М. Панин. Рабочий съезд и его противники («Отголоски»), сборник IV, СПб., 1907 г., стр. 24.

** «Das Erfurter Programm», Berlin, 1905 г., стр. 212.

посредственный успех, а все шире распространяющееся объединение рабочих... Достаточно... соприкосновения, чтобы многочисленные и повсюду одинаковые проявления борьбы в отдельных местностях были централизованы в национальную, в классовую борьбу». Казалось бы, это говорит прямо в пользу рабочего съезда, — ведь он и явился бы этим «соприкосновением». Но читайте дальше: «Эта организация пролетариев в класс и тем самым (damit) в политическую партию ежеминутно опять разрушается конкуренцией между самими рабочими». Здесь мы сразу наталкиваемся на два положения, совершенно подрывающие идею рабочего съезда как инстанции, способной двинуть вперед развитие партии. Во-первых, мы узнаем, что «конкуренция между рабочими» ежеминутно разрушает их организацию в класс, а это значит, что рабочая масса, даже в процессе превращения в класс, т. е. в сплоченный единым сознанием коллектив, далеко еще не дает гарантии правильного понимания «общих интересов всех рабочих». Она может даже идти против этих интересов. Во-вторых, «Манифест» устанавливает, что процесс «организации пролетариев в класс» сопровождается образованием политической партии как продукта этой организации и как ее орудия. Это значит, что как только в ходе стихийного развития рабочей массы в класс из нее начинает выделяться более сознательное, более передовое борющееся ядро, это ядро неизбежно превращается в политическую партию, способствующую дальнейшему превращению пролетариата в класс.

Роль этой партии, объединяющей, формулирующей общеклассовые интересы пролетариата, должен был играть в 40-х годах «Союз коммунистов». Вот как определяются задачи этого союза в его «Манифесте»: «У них (коммунистов) нет интересов, обособленных от интересов всего пролетариата. Коммунисты отличаются от остальных пролетарских партий лишь тем, что, с одной стороны, в борьбе пролетариев различных национальностей они выдвигают и отстаивают общие, не зависящие от национальностей, интересы всего пролетариата, с другой стороны — тем, что на различных ступенях развития борьбы пролетариата с буржуазией они всегда представляют интересы движения в целом... Ближайшая цель коммунистов та же, что и всех остальных пролетарских партий — организация пролетариата в класс...» Здесь мы встречаем, так сказать, обратную сторону медали: выделившиеся из широкой массы пролетариата сознательные

элементы (да перешедшие на точку зрения пролетариата буржуа-идеологи) образуют партию как руководящий коллектив — выразителя и носителя классовой идеи, классовой сознательности. Стихийный процесс развития пролетариата в класс выделяет из рабочей массы наиболее сознательные элементы, порождая в них субъективную потребность прививать массам свою классовую сознательность. Из этих элементов и состоит социал-демократическая (коммунистическая) партия. Поскольку сторонники «рабочего съезда» и других подобных «широких» начинаний ведут фактически партию к растворению в несознательной и полусознательной массе, они совершают *регрессивную* работу, совлекая класс с пути интенсивного развития политического самосознания (класс по отношению к самому себе!) обратно на путь экстенсивного расширения экономического самосознания. И рост массового рабочего движения, и развитие «идеи четвертого сословия» — социализма как науки — является продуктом одного и того же общественного процесса — вечной эволюции производительных сил. Как рабочее движение выступает в истории в роли носителя и воплотителя идеи социализма, так и социализм, в свою очередь, представляет выражение исторических потребностей пролетариата как класса. Так определяет «Коммунистический манифест» отношение между стихийностью и сознательностью, между классом и партией.

Теоретики научного социализма считали существование и деятельность социал-демократии (коммунистов) необходимым условием наиболее быстрого и выгодного превращения пролетариев в класс, вернейшим органом развития классового самосознания пролетариата, обобщения его требований, объединения его борьбы. И едва ли бы кому-нибудь из них могло прийти в голову, что найдется под луною страна, где сами социал-демократы будут искать способов, как бы избавиться от своей партии, как бы растворить ее в менее сознательной массе, как бы разжигать социализм потребностями несоциалистического пролетариата.

Но каково же конкретное отношение социал-демократии к пролетарской массе? На этот вопрос Каутский дает исчерпывающий ответ, раз навсегда кончающий праздные толки об организации всей пролетарской массы и о широко массовом характере партии. Обрисовав тяжелый и медленный путь развития пролетариата и его возвышения из жалкого, полунищенского существования до

положения борца, он говорит: «Так образуется постепенно из квалифицированных и неквалифицированных рабочих *слой находящегося в движении рабочего класса — рабочее движение. Это — часть пролетариата, борющегося за общие интересы своего класса, его ecclesia militans (воинствующая церковь)*» (курсив мой). Но это еще не социал-демократия. Это только тот сырой материал, из которого делаются социал-демократы. «Но борющийся пролетариат, — продолжает Каутский, — самая важная и самая богатая область *для социал-демократической вербовки. Социал-демократия в сущности не что иное, как сознавшая свои цели часть борющегося пролетариата*» (курсив мой). Тут нет места сомнениям: из громадной многомиллионной массы пролетариата выделяется его «борющаяся часть»; из этой части вербуются социал-демократия. Если масса еще сера и несознательна, то борющаяся часть ее уже создала общность классовых интересов и необходимость борьбы за них (достигла экономического самосознания). Но она не создала еще тенденций развития общества и исторических задач пролетариата (не обладает политическим самосознанием). Ее классовое сознание еще не превратилось в сознание социалистическое. Лишь путем такого переворота рабочий познает «условия, ход и общие результаты пролетарского движения», т. е. становится социал-демократом. И это пишет в 1905 г. идейный вождь германской рабочей партии, пережившей уже 40 лет своей организационной жизни и готовящейся к 60-летию юбилею своей программы.

Такого же спокойствия и выдержки следует пожелать и нашим товарищам, готовым «вернуться спиной к партии» за то, что за четыре года существования нашей программы и за три года более или менее широкого воздействия на рабочую массу у нас оказалось только 150 тысяч организованных социал-демократов! Увеличить число членов партии, усилить ее организационное и идейное влияние на всю «борющуюся часть» российского пролетариата, увлечь за нею незатронутые, и, увы, самые широкие, массы — это желание вполне законное и должно составлять цель и задачу всей деятельности социал-демократии вообще, чтобы говорить, что социал-демократия неспособна на роль вождя и руководителя, что истинно пролетарское движение можно создать, только потопив социал-демократию в рабочей массе или, по крайней мере, в «борющейся части» пролетариата, — чтобы

говорить это, надо доказать одно из двух: или то, что российская социал-демократия в своей программе и тактике сошла с пути защиты и осуществления классовых задач пролетариата, а потому не может исполнить своей исторической миссии; или же, что развитие буржуазного общества в России идет иными путями, ставит другие задачи пролетариату, а потом и социал-демократия с ее теорией, построенной на анализе западноевропейского капитализма, висит в воздухе, безжизненна, ненужна. Только доказав одно из этих положений, можно апеллировать от партии к классу или, точнее, к другой партии, более соответствующей стоящим перед пролетариатом задачам.

II

Идея созыва рабочего съезда — наиболее распространенное средство исцеления партии. При помощи ее рассчитывают и расширить рамки партии, и сделать партию истинно пролетарской, и разрешить споры большевиков с меньшевиками, и даже воссоединить социалистов-революционеров. Однако, несмотря на груды бумаги, отведенной под защиту этой идеи, мы нигде не имеем ясного и определенного изложения того, что́ должен представлять этот съезд, какова его задача и компетенция, каков состав и т. д. Многие защитники предлагают критикам «справиться у первоисточника, у автора и инициатора идеи рабочего съезда — П. Б. Аксельрода». Но тут же мы узнаем, что автор развивал свои взгляды «на собраниях», на которые, кстати, пропускалась только избранная публика. Таким образом, доподлинные взгляды автора и инициатора составляют пока монополию тесного кружка, а потому мы и лишены возможности иметь дело с первоисточником. Что же касается «вторых рук», то здесь, очевидно, сколько голов, столько умов: каждый понял «идею» по-своему и сделал из нее то употребление, которое ему казалось особенно важным. Среди этого пестрого хора можно отметить — в общих чертах — три течения.

Первое течение, которое, по-видимому, ближе всего находится к «первоисточнику», видит «центр тяжести в работе по подготовке съезда, а не в самом съезде». По словам М. Панина, примыкающего к этому течению, рабочий съезд нужен «из-за наличности того огромного и важного политического дела, которое пролетариату нуж-

по совершить в ходе русской революции». «Творя это дело, пролетариату нужно выступить сплоченно, как самостоятельной политической силе, как классу со своими особыми интересами». Это положение, продолжает автор, опирающееся на другое основное положение: освобождение рабочего класса есть дело самих рабочих, должно быть взято в основу «подготовки и агитации за рабочий съезд». Излагая эту точку зрения, т. Панин сам не замечает, что становится жертвой комического недоразумения. Ведь как раз все то, что он приводит в доказательство необходимости рабочего съезда, всегда приводилось в доказательство необходимости самостоятельной политической партии пролетариата и ее самостоятельной тактики. Вместе с тем и специфические задачи, выдвигаемые русской революцией перед русским пролетариатом, нисколько не изменяют положения дела, ибо они не умаляют необходимости самостоятельного сплочения и выступления. Таким образом, с первых же шагов своей аргументации сторонник съезда упирается в недоказанное (а на наш взгляд и недоказуемое) положение, что существующая социал-демократическая партия неспособна быть представительницей пролетариата «как класса со своими особыми интересами». А пока он не докажет этого положения, вся его аргументация будет только укреплять позицию сторонников партии, а не сторонников съезда.

«Ровно в той мере, — продолжает т. М. Панин, — в какой эта агитация будет успешна, будет успешен и самый съезд. Чего-нибудь нового, чего не было бы в подготовке, на съезде «создано» быть не может. Съезд — только заключительный момент в этой подготовке, средство коллективного учета достигнутой в агитации степени политической сознательности пролетариата». В этих словах кроется крупное недоразумение. Все рассуждение автора основано на том предположении, что досъездовская агитация создаст определенное настроение в рабочих массах, и это настроение только будет подытожено на съезде. Но если дело представляется автору так просто, если съезд должен сыграть роль предлога для агитации, то подобную же агитацию партия могла бы развить по более серьезному и содержательному поводу — напр., по поводу выборов в Думу. Партия действительно пыталась развить такую агитацию, — правда, не достаточно широкую и глубокую, но едва ли агитация за рабочий съезд, которому суждено ничего не «создать», по-

лучится шире и глубже*. Показали ли выборы в Думу «степень политической сознательности пролетариата»? Да. Показали ли они степень его классовой (социалистической) сознательности? Нет или, по крайней мере, очень слабо. Эти выборы показали только, какую богатую почву для социал-демократической агитации и пропаганды представляет рабочий класс и какая громадная работа предстоит еще партии. Они выдвинули и подчеркнули еще раз «идею партии», но не «идею рабочего съезда». И если начать агитацию за рабочий съезд по проекту т. М. Панина, она в лучшем случае (если все пойдет по Панину) докажет еще раз необходимость направить все силы на укрепление партии и социал-демократии, а не на отвлечение этих сил и внимания массы на стоящие вне партии и фиктивные, по признанию самих сторонников, организаторские предприятия.

Однако возможен исход менее простой, чем представляется т. Панину. Гораздо более вероятно, что при сколько-нибудь широкой постановке дела рабочие делегаты не захотят ограничиваться «коллективным учетом», а предпочтут «создать» нечто реальное, закрепить работу съезда определенной организацией. И так как «идея съезда» *противопоставляется* «идее партии», то понятно, что и «созданная» съездом организация явится организацией, *противостоящей* партии в деле пробуждения классового сознания массы. Если на съезд не явятся в качестве представителей массы все те же организованные рабочие — социал-демократы (тогда бы дело свелось к простому водевилю с переодеванием), а явятся рабочие, стоявшие до тех пор вне партии, тогда мы будем иметь съезд не социал-демократов, а в лучшем случае — представителей той «борющейся части» пролетариата, о которой говорил Каутский; в худшем случае — это были бы представители серых рабочих. Спрашивается, какую же организацию мог бы создать такой съезд? Тот же М. Панин пишет (забыв, что только что отрицал возможность «создания» чего-либо на съезде): «Этот съезд может положить начало, если не массовой *социал-демо-*

* Мы здесь совершенно устраним вопрос о легальной возможности и съезда и агитации. Нас интересует сейчас только принципиальная сторона вопроса. Однако нельзя не отметить, что те самые товарищи, которые так сурово критикуют партию за ее неспособность стать (при наличии военно-полевого режима!) широкой легальной партией (а не скрываться в подполье), усердно закрывают глаза на легальную возможность сколько-нибудь серьезных предприятий, основанных на «самодеятельности» рабочих масс.

кратической партии, то классовой организации рабочих масс, и явиться, таким образом, важнейшим звеном в процессах их организации *в самостоятельную политическую силу*». Другими словами, на съезде может быть «создана» только партия полусознательной «борющейся части» пролетариата, но не его сознательной, социалистической части. Последняя должна либо раствориться в менее сознательной массе, понизив этим уровень своей собственной сознательности и возможность планомерной организации пролетариата в класс, либо охранять свою организацию (социал-демократическую партию) и бороться с новой партией, внося раскол и разброд в рабочую среду. Конечно, на эти соображения можно возразить хлесткой фразой о социал-демократах, которые «боятся» рабочей массы, но подвинет ли такая фраза нас хоть на шаг в деле взаимного понимания?

Мы остановились несколько долее на этом течении, так как оно крепче других держится за социал-демократическую партию и думает — хотя напрасно — связать «идею съезда» с «идеей партии». Другие течения пошли гораздо дальше, поэтому к ним в еще большей мере применено все сказанное выше. Одно из них — представителем его можно назвать т. Череванина — хочет воспользоваться съездом, чтобы вынести на суд пролетариата все внутренние неурядицы партии. «Раз партия бессильна действовать в пролетариате как единое целое, — пишет Череванин, — и в то же время бессильна расколоться на самостоятельные части, апелляция ко *всему пролетариату* в лице рабочего съезда становится естественным выходом»*.

После сказанного выше нечего прибавлять: тут серьезные разногласия по вопросам политики социалистического пролетариата выносятся на суд широкой массы, в большинстве своем не имеющей понятия о социализме. Более яркого показателя интеллигентского бессилия и более откровенного пренебрежения к теории нельзя себе представить.

Впрочем, по части беззаботности насчет теории превзошел Череванина представитель третьего течения — Ю. Ларин**.

По его проекту, рабочий съезд должен создать партию, составляющую какой-то винегрет из профессиональ-

* «Политическое положение и тактические проблемы», Москва, 1907 г., стр. 153.

** «Широкая рабочая партия и рабочий съезд», СПб., 1907 год.

ных союзов, представителей фабрик и заводов, социал-демократов, социалистов-революционеров, беспартийных и т. п. Попросту говоря, та борьба, которая ведется на пространстве рабочей России, должна быть введена в рамки «единой» партии. Что должно объединять этот пестрый состав? Исключительно принадлежность к рабочему классу; эта принадлежность, по мнению автора, гарантирует, что, в конце концов, перемелется — мука будет. Зато число членов партии он обещает сразу увеличить до 900 тысяч! Здесь не место вдаваться в разбор этой фантазии, тем более, что она уже встретила достойный отпор в литературе; нам важно только отметить, что у этого защитника «идеи съезда» отпадает уже всякая тень марксистской теории; судьба пролетариата представляется стихии и непогрешимым законам истории.

«Идея рабочего съезда» является не единственной идеей, выдвигаемой социал-демократами, недовольными своею партией. Мы отметим здесь вкратце еще два течения, наметившиеся за последний год; это — профессионализм и синдикализм. Здесь замечается то же самое стремление выйти за пределы партии, ограниченные социал-демократической программой, и уйти непосредственно в рабочую массу. Профессиональные союзы, как способные привлечь и сплотить более широкие (хотя и менее сознательные) слои пролетариата, чем партия, показались многим как раз удобным средством освежить и оживить партию, и, по слухам, местами делались попытки заменить партийные организации профессиональными. К сожалению, у нас нет точных данных об этих попытках, и мы лишены возможности рассмотреть их как конкретное явление. По существу же всякая подмена партии профессиональной организацией сводится все к тому же отмеченному выше факту: к перенесению центра тяжести руководящей и организующей работы из социал-демократии в «борющуюся часть» пролетариата, к подмене социалистического сознания расплывчатым экономическим самосознанием, а это составляет, как мы уже отметили, шаг назад в развитии пролетариата в класс.

Профессиональные организации представляют незаменимое средство организации и вовлечения в борьбу широких малосознательных масс пролетариата. В них рабочие приучаются к свободному сотрудничеству, к товарищескому общению и единению на почве защиты ближайших, понятных всем интересов. Наконец, на высшей ступени развития профессиональные организации явля-

ются превосходной школой, подготовляющей рабочих к тому коллективному ведению дел и самостоятельному управлению товариществом, которое будет необходимо при переходе от капиталистического хозяйства к социалистическому. Профессиональные организации, играющие такую громадную роль в деле развития экономического самосознания рабочих, представляют, таким образом, необходимое дополнение политической партии. Но было бы величайшей ошибкой переоценивать их роль и значение. Было бы ошибкой приписывать им такие функции, которых они по самому своему характеру не в силах выполнить. Профессиональные союзы, по самой организации своей, подчеркивают и закрепляют то, что *разделяет* отдельные цехи рабочих (частные, профессиональные интересы); партия подчеркивает и закрепляет то, что *объединяет* всех рабочих без различия профессий (общие, классовые интересы). А насколько, при благоприятных условиях, могут упрочиться разъединяющие тенденции — можете видеть на примере Англии; насколько могут упрочиться они даже там, где сильны политические партии, видно на примере Германии. Должны ли мы изучать ошибки и недочеты западноевропейского движения, чтобы избегать повторения их, или мы должны закрывать на них глаза, веруя во всеспасающий разум «законов развития капиталистического общества»?

Другое параллельное течение, стремящееся перенести политическую работу класса непосредственно в самую массу, примыкает к так называемому в романских странах революционному синдикализму. Синдикализм возник у себя на родине (во Франции, в Италии) как протест против увлечения парламентской политикой, вырождающейся подчас в политиканство, и встретил широкое сочувствие в среде рабочих, которых это парламентское политиканство совершенно отстраняло от активного участия в политической жизни и превращало в «голосующую скотину». Поскольку синдикализм протестует против этой вредной крайности, он, бесспорно, носит в себе здоровое ядро. Но в своем протесте против несомненной ошибки он перегибает палку и делает другую несомненную ошибку, подменяя роль партии, как ее понимает научный социализм, федеративным союзом самостоятельных синдикатов, противопоставляя «мозолистый кулак» творческой работе теоретической мысли, давая чисто анархическую оценку государства. Так и русский синди-

кализм — пока еще крайне слабый — таит в себе здоровую мысль — привлечение рабочих масс к активному участию в политической жизни, но и он облекает эту мысль в такую неверную и нелепую оправу, что верная идея, по существу своему марксистская, превращается в анархическое отрицание марксизма. Массы должны быть вовлечены в активную политическую борьбу, но это вовлечение только тогда будет совершаться в интересах классового просветления и сплочения масс, только тогда явится для них действительной школой политической жизни, когда будет освещено правильно теорией, а эту задачу может выполнить социал-демократия, как носительница теории развития рабочего класса.

Все три отмеченных течения — «идея рабочего съезда», профессионализм и синдикализм, — несмотря на различные организационные формы, кроют в себе одну и ту же основную мысль и исходят из одного и того же желания. Это — желание слиться с широкой рабочей массой, хотя бы ценою отказа от существующей партии; это — мысль, что пролетарская стихия даст то удовлетворение, которого не дал организационный авангард рабочего класса. И поскольку все эти попытки теоретически несостоятельны, они вполне объясняются психологически.

В 1905 г. пролетарская стихия всколыхнулась и пронеслась могучим ураганом над землей русской, показав и врагам, и друзьям, какая гигантская сила кроется в ее недрах. Как волны половодья, подхватила эта стихия партию, вынесла ее наверх, вписала в ее историю несколько блестящих страниц, с тем, чтобы потом опять улечься, если не до прежнего низкого уровня, то все же до уровня, несравненно более низкого, чем во время октябрьского половодья. Однако этот стремительный, кратковременный подъем заразил многих партийных работников родом недуга, который можно было бы назвать тоской по массе. Так величественна, так могуча была картина пролетарского движения, она показала, как в калейдоскопе, чем могли бы быть и партия, и рабочий класс при других условиях, она вскрыла такие глубины жизни и потребностей массы, что расстаться с этим плодом познания, лезть снова в подполье (куда опять загнала партию реакция), впрягаться в скучную лямку кропотливой полулегальной работы было крайне тягостно. Отведав сладкого, кто захочет горького? А тут еще с каждым днем становилось все очевиднее, что период

подъема пробудил в рабочей массе тысячи новых запросов и что партия, при данных политических условиях, не в силах удовлетворить всех этих запросов. Фактическая сила и роль партии оказывались ниже потребностей рабочей массы, а этого было для многих достаточно, чтобы провозгласить партию никуда не годной, а массу окружить ореолом идеализации. Со свойственной искони российскому интеллигенту потребностью в самобичевании начали поносить партию и изобретать способы воздействия на массу помимо партии, вместо того, чтобы изучать недостатки партии и бороться и с этими недостатками, и с тяжелыми внешними условиями. К тому же «критика» и изобретательство представляли более легкий труд. Они лежали на линии наименьшего сопротивления, и все недовольные устремились на этот путь, спеша наперегонки «повернуться спиной к партии». Сознательность части партийных работников попала в плен к стихийности рабочей массы.

III

Когда Каутский делит рабочий класс на три части: на его социалистический авангард (социал-демократию), на его «борющуюся часть», т. е. слой, достигший пролетарского *, но еще не социалистического, сознания, и на несознательную массу, — он вовсе не хочет этим сказать, что эти три части составляют самостоятельные, обособленные группы. Как анатом с научной целью расчленяет единое тело, так и социологу в целях анализа приходится давать группировки более резкие, чем они существуют на деле. Всякий по опыту знает, что границы между социал-демократией и «борющейся частью» едва ли поддаются точному определению. Малейший подъем революционного настроения, малейшее послабление полицейского гнета, — и партийные организации наполняются, как жилы кровью, новым материалом. И, наоборот, число членов партии падает вместе с падением политического барометра. Еще труднее наметить границу между «борющейся частью» и массой: здесь совершается такой постепенный переход тонов, что всякие попытки провести определенную грань были бы бесплодны. Да это и не нужно. Квалификация, данная Каутским, указывает на совершающийся процесс развития пролетариата в класс;

* Класс по отношению к капиталу.

три группы — это только три стадии в этом непрерывном процессе, происходящем по всей линии с различной быстротой, с различной интенсивностью. И если несознательная масса, — а это значит масса, пропитанная еще мелкобуржуазной идеологией, — представляет прошлое пролетариата, то социалистический авангард представляет его будущее, зародыш будущего общества. И как един и непрерывен процесс превращения пролетария (вчерашнего мелкого буржуа) в социалиста, так непрерывен и незаметен переход от одной части рабочего класса к другой. Но социалистический пролетариат — пока он в меньшинстве — бессилён осуществить свои идеалы, он не может приложить свои творческие силы к внешней жизни, он может их приложить только к жизни внутренней, к жизни своего класса. Его роль сводится пока всецело к тому, чтобы облегчить остальной массе пролетариев превращение в социалистов. Отсюда основная задача социал-демократической партии: находиться в теснейшей связи с пролетарской массой, служить воспитателем пролетариата, превращать всякий шаг стихийного рабочего движения в акт классовой борьбы. Но борьба пролетариата приобретает все более определенный классовый характер только по мере того, как «многочисленные и повсюду одинаковые проявления борьбы в отдельных местностях» централизуются «в национальную борьбу», т. е. по мере того, как рабочие переходят от местных и частных нужд к общенациональным, классовым, т. е. политическим, нуждам. Отсюда вторая основная задача социал-демократии: вовлекать пролетариат в эту политическую борьбу, связывать частные проявления его борьбы с потребностями всего класса.

Социал-демократия должна связать свою деятельность и свою судьбу со *всей* жизнью и судьбою рабочего класса. Являясь сознательным авангардом его, она в то же время не может ограничить круг своей деятельности и ответственности лишь планомерно организованными актами рабочей массы. Несознательность и неорганизованность этой массы служит — как реальная действительность — предпосылкой деятельности социал-демократии. По меткому указанию Антонио Лабриола, «именно страстные эксцессы пролетариата (т. е. несознательные и неорганизованные акты. — П. О.) разоблачают отрицательную природу существующего общественного строя, жертвой — и в то же время позором — которого

является пролетариат *. Если социал-демократия хочет действительно сыграть ту великую роль, которая выпадает на ее долю, она должна уметь связать дело социализма с туманными, смутными стремлениями и мечтами пробуждающегося пролетариата, хотя бы это были подчас ошибочные и вредные стремления. Она должна еще более чутко и внимательно прислушиваться к этим ошибочным и вредным стремлениям, ибо они являются, как ни как, первыми судорожными движениями пробуждающегося сознания. Только тогда рабочая масса увидит и признает в социал-демократии *свою* партию, только тогда социал-демократия сможет действительно явиться вождем и руководителем этой массы и перековать ее ошибки и промахи в могучее орудие планомерной классовой борьбы.

Чтобы пояснить эту мысль, я позволю себе привести один крайне характерный эпизод из истории итальянского социализма. В 1893 г. в Сицилии возникло грандиозное рабочее движение, подготовленное партией, но вылившееся, против воли партии, в открытое возмущение. Стихийное движение прорвало все рамки правильной организации, уничтожило методическую пропаганду и разразилось вулканом. Этот неожиданный исход смутил очень многих социалистов и поставил на очередь вопрос: может ли партия связывать себя с этим ошибочным и вредным для правильного развития классовой борьбы шагом рабочей массы? Тогда выступил Антонио Лабриола с письмом к центральному социалистическому комитету, в котором ярко и выпукло обрисовал задачи и обязанности партии **.

«Возьмете ли вы, — спрашивал он, — вы, организаторы и инициаторы социалистического движения, всю ответственность за положение дел, которое, не будучи преднамеренно подготовлено вами и не отвечая вашим желаниям, все-таки в значительной мере, является, — и еще больше покажется, — последствием вашей деятельности, хотя последствием невольным и непредвиденным?» И он обрисовал комитету смысл и значение отрицательного и положительного ответа на этот вопрос.

«Просто-напросто отказаться принять такую ответственность значило бы сказать, что нам, социалистам, выгодно отделиться от пролетариата всякий раз, когда он,

* *Antonio Labriola, Scritti varii, Bari, 1906, стр. 388.*

** Там же, стр. 386—387.

восставая, ударяется в крайности, т. е. вносит в игру свои собственные страсти, разоблачая свое настроение. Такой образ действия, не говоря уже о том, что он явился бы признаком малодушия, позволил бы сделать тот неприятный вывод, что хваленый социализм пропагандистов висит в воздухе, вне всякой связи с исторической и социальной действительностью момента; или же — что он является модернизированной формой *радикального спорта*. Мы знаем много бравых представителей этого спорта, поклонников «мадонны-эволюции», бегущих, как от заразы, от слова «революция»; любители социальных турниров пользуются впоследствии этим, чтобы вежливым образом подыскать посредством философских фраз *alibi* собственной подлости».

«Но, с другой стороны, — пишет Лабриола, — связать или даже отождествить себя исключительно с данным, неожиданным возмущением означало бы как бы желание обратить в ничто всякую идею правильной организации пролетарских сил и подмену ее принципом политической борьбы, а это, другими словами, сводится к непониманию путей и средств *пролетарской революции*».

Партия должна найти верный путь, не уклоняясь ни в одну из двух отмеченных крайностей; это задача нелегкая, приходится идти «по острию бритвы», как Лабриола и озаглавил свое письмо. Но, только разрешив эту трудную задачу, социалистическая партия сможет стать тем, чем она должна быть, — партией — руководительницей пролетарской массы. «Ваше решение, — говорит автор письма дальше, — окажет либо большую помощь, либо большой вред всей итальянской социалистической партии, которая только недавно освободилась от стеснявшей ее неуверенности, разногласия и непоследовательности и которая впредь сможет жить, усиливаться и процветать только при условии:

если она не увлечется анархистской бессмыслицей;

если она не сосредоточится на нелепой идее парламентского легалитаризма, который в будущем может легко превратиться в новую погоню за «голосующей скотиной».

Если она всегда будет, захочет и сможет руководиться принципом практической и прогрессирующей революции, применяя не предрешенные, а испытанные методы организации и такие формы пропаганды, которые требуются условиями страны и темпераментом народа.

Вне этого — либо безумие, либо подлость; по ту сторону этой линии может зародиться и прозябать секта, замкнутое сообщество, кружок, но не может возникнуть и жить партия».

Путь «по острию бритвы», намеченный Ант. Лабриола для социалистической партии по поводу сицилийских событий, может быть обобщен как задача социал-демократической партии вообще по отношению к массам. Найти верный путь партия сможет только тогда, когда, с одной стороны, опираясь на теорию научного социализма, устоит против искушения увлечься широким стихийным движением, формы которого сплошь да рядом не облегчают, а затрудняют «организацию пролетариата как класс», с другой стороны, когда она своей непосредственной близостью к массам, своим постоянным вмешательством во все проявления жизни масс оградит себя от опасности оторваться от массы, замкнуться в ограниченном кругу единомышленников. Таковую опасность представляет в особенности увлечение парламентаризмом. Но подобная тенденция пока чужда российской социал-демократии. Лабриола указывает далее, что этот правильный путь может быть обеспечен только здоровой, реалистичной постановкой всей работы, приспособлением организации и пропаганды к исторической обстановке страны. Революция совершается, говорит он, она совершается практически, т. е. в повседневной конкретной жизни, и этого достаточно, чтобы на этой «практической и прогрессирующей революции» построить работу воздействия партии на массу, работу возвышения пролетариата до уровня класса*.

Российская социал-демократия находится в исключительно благоприятных условиях. Ни одна рабочая партия не складывалась и не вступала в борьбу при наличии такого высокого уровня сознательности пролетариата. Если другим рабочим партиям приходилось выковырывать классовое сознание пролетариата путем долгих, упорных, нередко безуспешных ударов по холодному металлу, — наша социал-демократия работает над раска-

* Между прочим, «идея рабочего съезда» не представляет такого конкретного факта «практической революции». «Идея» эта высижена в тиши кабинета, и только путем самовнушения можно уверять себя и других, будто «идея рабочего съезда» «пропитывает чувства и сознание рабочих масс». Между тем в погоне за этой «идеей» был упущен целый ряд конкретных фактов, как выборы в Думу, локауты и пр., которых партия, как таковая, не использовала в должной мере.

ленным железом, легко принимающим желанную форму. У нас еще нет исторической традиции рабочего движения, которая часто является громадным тормозом в развитии, у нас вся традиция — это горячая вера в евангелие социализма и ненасытная жажда знания и борьбы. А с этими данными можно совершить чудеса. Но для этого необходимо, чтобы социал-демократия, ни на шаг не поступаясь своей теоретической позицией и своей ролью организатора и руководителя, связала себя теснейшим образом с повседневной жизнью масс, с их повседневной «практической революцией». Богатый опыт Западной Европы — притом отрицательный опыт еще больше, чем положительный, — показывает социал-демократии, чего она должна опасаться, чего она должна избегать. С этим опытом в руках и с тем на редкость благоприятным материалом, какой представляет рабочая масса в России, партия может и должна — в момент общего переустройства — заложить фундамент здоровой классовой организации, с первых же шагов наметить нормальные, т. е. наиболее выгодные для борьбы за социализм, отношения между партией и классом, между политической организацией и профессиональной, между парламентаризмом и массовым движением. Создать гармоническое взаимоотношение между отдельными проявлениями жизни и борьбы рабочего класса, избежать крайностей «безумия» и «подлости», превратить тонкое острие бритвы в прочный путь прогрессивного развития — да это задача, о которой в таком объеме и такой обстановке не могла мечтать ни одна социалистическая партия Западной Европы*.

И теперь, когда перед партией открывается богатейшее поле творческой работы в интересах рабочего класса, для блага рабочего класса, — теперь нам говорят, что партия бессильна для этой работы, что она должна передать ее из рук социалистов в руки несоциалистической массы. Теперь, когда наступило время воплотить в жизнь теоретические труды двух поколений, нам предлагают растворить это сокровище мысли в классовом инстинкте стихийного движения. Идемте в массу, говорят нам, доверимся ее здоровому классовому чутью! Да, мы пойдем в массу, но пойдем как партия, как организованный социалистический авангард. Да, мы доверяем

* Здесь, конечно, не место намечать конкретные формы (организационные и др.), посредством которых партия могла бы связать себя с массой. Мы можем наметить только принцип.

классовому чутью масс, но мы знаем, что несознательная масса имеет не только рассудок, но и предрассудки; и с ними мы будем бороться. Мы будем всеми силами отстаивать и партию, и чистоту наших принципов — будем отстаивать даже против самой массы, если она посягнет на них, мы будем делать это ради ее же интересов. Партия, работающая в самой гуще пролетарской массы, кость от кости и плоть от плоти этой массы, живущая ее радостями и страданиями. Партия — просветитель и организатор этой массы, вечно впитывающая ее лучшие соки, но впитывающая с тем, чтобы тотчас же отдавать их массе. Партия — классовый фермент, как дрожжи, вызывающая классовое брожение и дающая исход этому брожению в организованной борьбе за социализм. Партия, наконец, в которой рабочая масса видела бы своего признанного вождя и руководителя, свою партию, свое лучшее будущее, — вот те задачи, которые мы ставим социал-демократии. И вы хотите, чтобы мы «повернулись к партии спиной»? Никогда!

П. Орловский

«Вестник жизни», 1907, № 4.

РОЖДЕНИЕ ТРЕТЬЕГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА¹

Те, кому приходилось видеть старые конгрессы Второго Интернационала, были бы весьма разочарованы, если бы заглянули 4 марта в Митрофаньевский зал бывших судебных установлений². Вместо всем известных «почтенных» отцов международной социал-демократии, убеленных сединами теоретиков и руководителей рабочего движения на протяжении полувека, здесь собрались — за немногими исключениями — новые люди, имена которых пока еще мало говорят за себя и молодые лица которых не носят еще печати патентованных вождей.

И это весьма характерно. В то время, как живые покойники Второго Интернационала собрались в Берне,

¹ В. В. Воровский. Соч., т. III, стр. 368.

² Со 2 по 6 марта 1919 г. в Москве, в Кремле, проходил I (Учредительный) конгресс III, Коммунистического Интернационала, на котором присутствовали делегаты от 35 коммунистических партий, коммунистических групп и левых социалистических организаций различных стран. 4 марта под председательством В. И. Ленина состоялось очередное заседание конгресса, утвердившее «Платформу Коммунистического Интернационала» и принявшее решение о конституировании Коммунистического Интернационала. — А. Б.

тщетно стараясь спасти остатки своей прежней, ныне прогнившей, разваливающейся организации, и в рабском усердии славословят главу американских империалистов Вильсона, провозглашая анафему Советской России, — в то же самое время в сердце этой Советской России — Москве — организуется новый, Третий Интернационал, Интернационал коммунистов, поднявших знамя восстания пролетариата всех стран против мирового капитала.

Новая эпоха началась в истории рабочего движения, та эпоха, в которую, по словам Коммунистического манифеста, «скрытая гражданская война против существующего общества... разражается открытой революцией, и пролетариат, путем насильственного низвержения буржуазии, устанавливает свое господство». А пока новая эпоха требует новых людей. Не тем людям низвергать власть капитала, которые в течение четырехлетней войны всеми мерами поддерживали у себя в стране этот капитал, убеждали рабочих «для блага отечества» не поднимать на него руку, являлись посредниками и примирителями между доверившимся им пролетариатом и империалистическим правительством. Не тем людям строить новую жизнь освобожденного рабочего класса, которые, увидев на деле — в России, в Германии, в Венгрии — первые шаги той самой социальной революции, о которой они написали столько умных книжек, в ужасе шарахнулись в объятия Вильсонов, Клемансо и прочих палачей рабочего класса. Как греховодные вожди Израиля, они не войдут в землю обетованную. Их песня спета. Они заслужили презрение пролетариата, который перешагнет через этих «дурных пастырей» и без их помощи пойдет по тому пути, который указан ему политической необходимостью, его классовыми интересами, всем ходом истории.

В этой борьбе за освобождение и власть сознательный пролетариат сам выдвинет своих вождей. Правда, эти вожди не будут блистать ораторскими талантами парламентских говорунов, они не принесут с собой многомных ученых трудов, их имена не будут внушать уважения рецензентам буржуазных газет. Но это будут люди, которые принесут с собою из недр рабочего класса его нужды и его требования, его мечты и его волю. И они не обманут его, ибо они сами будут кость от кости и плоть от плоти трудящихся масс. Этим новым людям принадлежит будущее. В очистительном огне социаль-

ной революции сгорит или переплавится все, что было ложного, пошлого, мещанского в социал-демократическом движении вчерашнего дня, и из тяжелого испытания выйдет лишь то, что приспособлено к новой жизни, что может и хочет жить этой новой жизнью, что заслуживает этого.

На конференции Коммунистического Интернационала был редкий, замечательный момент, который глубоко запечатлелся в душе присутствующих, — это, когда на трибуне появился делегат от немецкой Австрии. Большая, неуклюжая фигура типичного рабочего, в высоких сапогах, в потертом костюме, с давно нестриженной бородой — как далеко было это от обычных делегатов международных социалистических конгрессов, чистеньких и припомаженных, как лавочник в воскресный день. Это был образ самого пролетариата, трудящегося и борющегося, мыслящего и страдающего. Восемнадцать дней пробирался он с товарищами на конференцию в Москву, с трудом и опасностями продвигаясь то по железным дорогам, — нередко на буферах, — то на лошадях, то пешком через ряд враждующих друг с другом государств, через заставы петлюровской армии, через наш фронт, пока, наконец, не добрался до желанной Москвы. Но все тягости и опасности пути казались ему ничем в сравнении с той целью, к которой он стремился — попасть в советскую Москву, добраться до заброшенного в эту глушь съезда коммунистов и рассказать товарищам, что и в Австрии, среди преследований буржуазии, среди травли врагов и измены друзей, когда даже такие люди, как Фридрих Адлер, идут в Берн, а не в Москву, рабочие коммунисты не падают духом, упорно борются за свои коммунистические идеалы, и не только борются, но все больше и больше расширяют круг своего влияния, все большие и большие кадры рабочих привлекают на свою сторону.

Нельзя было без волнения слушать незатейливую повесть этого австрийского товарища, когда он с восторгом рассказывал, как надежда добраться до Москвы поддерживала его энергию в пути, как красная Москва казалась ему каким-то обетованным градом. И это не просто личное переживание иностранного социалиста, впервые попавшего в сердце Советской России, это крупный исторический факт. Москва стала таким же местом паломничества для коммунистов всего мира, как Мекка для магометан или в средневековье Иерусалим для хри-

стиан. Здесь, в Москве, в Советской России, воплотилось в жизнь то новое слово, которое проповедовало несколько поколений социалистов, здесь зародилось новое дело. Отсюда идет свет коммунизма по всему миру, и на этот свет со всего мира стекаются и будут стекаться коммунисты. Вот почему Москва должна была стать очагом нового движения, вот почему именно здесь только мог и должен был состояться первый международный съезд коммунистов и быть создан центр нового, Третьего, Коммунистического Интернационала.

Придут фарисеи социализма и скажут: какой же это Интернационал, когда целый ряд крупнейших стран на нем не представлен или представлен давно уехавшими оттуда эмигрантами. Вот в Берне заседают настоящие представители рабочего класса, правильно выбранные организациями большинством голосов, имеющие за собою столько-то и столько-то организованных рабочих и т. д. и т. п.

И прекрасно, ответим мы им, пусть они сидят в Берне, эти живые трупы Второго Интернационала, вместе со всеми своими законными голосами. Мы собрались ныне в Москве основывать не интернационал покоя, не интернационал, построенный на статистическом подсчете голосов, а Интернационал борьбы, Интернационал, будущий, увлекающий на борьбу массы пролетариата, не считаясь с тем, имеют ли они право голоса, зарегистрированы ли они, имеется ли «большинство» за эту борьбу. Почтенные бернские старцы могут оставаться дома со своими программами, уставами и избирательными урнами. Новый, Коммунистический Интернационал подхватывает забытые казенным социализмом лозунги Первого Интернационала, лозунги его великого вождя Карла Маркса, который писал 72 года тому назад в своем Манифесте:

«Теоретические положения коммунистов не основываются на каких-нибудь идеях или принципах, изобретенных или открытых тем или иным исцелителем мира. Они являются лишь общим выражением действительных условий существующей классовой борьбы, совершающейся на наших глазах исторического движения».

Действительными условиями существующей классовой борьбы в настоящий исторический момент, т. е. после четырех с половиной лет войны, разорения, голода, разрухи, является охватывающая все более и более широкое поле борьба пролетариата за свержение буржуа-

зии, борьба за диктатуру пролетариата. Банкротство буржуазной науки и буржуазной административной практики, не сумевших справиться с кризисом, созданным войной, поставило на очередь не какие-нибудь реформы, способные помочь буржуазии восстановить прежний строй, а уничтожение этого строя, низвержение буржуазии как класса, переход власти к рабочему классу. Какова же роль коммунистов в этом классовом движении? Эта роль вытекает из самого определения понятия «коммунист».

«Коммунисты являются на практике самой решительной, стремящейся все дальше частью рабочих партий всех стран; теоретически они имеют перед остальной массой пролетариата то преимущество, что понимают условия, ход и общие результаты пролетарского движения. Ближайшая цель коммунистов та же, что и всех остальных пролетарских партий, — организация пролетариата в класс, низвержение господства буржуазии, завоевание политической власти пролетариатом».

К этим строкам, писанным в 1847 г., надо прибавить, что в наши дни «остальные пролетарские партии» или называющие себя таковыми либо практически отказались от указанной цели, либо теряют самостоятельное существование и сливаются с партией коммунистов. Под знамя коммунизма становятся теперь все пролетарские течения, стремящиеся к низвержению власти буржуазии и переустройству общества на началах коллективизма.

...Новый Интернационал фактически существует с того момента, когда молодая социалистическая Россия бросила клич пролетариям всего мира, зовя их в братский союз для борьбы за мир и социализм, с того момента, когда она открыла двери всем гонимым и объявила себя отечеством всех угнетенных. Теперь речь шла лишь о том, чтобы закрепить этот новый Интернационал борьбы, придать ему твердую форму ядра, около которого будут сосредоточиваться все помыслы, стремления, усилия и борьба мирового пролетариата, создать центр, из которого будет исходить движущая революционная энергия и к которому будут тяготеть все движения борющегося пролетариата.

И этот центр создан. Коммунистический Интернационал стал фактом, одним из тех «действительных шагов рабочего движения», которые важнее многих программ. Его работа, конечно, долгое время будет протекать в условиях полулегальной борьбы, и результаты объедине-

ния, его значение и роль долго не смогут быть всем видны и доступны. Но те, кто захотят следить за его работой и ее успехами, смогут лучше всего оценить их по отношению к нему его врагов — буржуазных правительств и их спутников социал-патриотов. Интенсивность их с новым Интернационалом лучше всего докажет его значение и влияние.

Коммунистам нет надобности считаться со злобой врагов и кознями социал-предателей. Они могут спокойно следовать примеру своего великого вождя, Карла Маркса, который всегда призывал их идти своим путем, «не ведая ни жалости, ни страха». На очереди стоит решительная борьба, борьба, из которой есть только два выхода: либо победа, либо поражение, — ни о каких компромиссах ни они, ни их враги не могут говорить. И что бы ни кричали их враги, какие бы обвинения ни бросали им в лицо, они пойдут своим путем и достигнут до своей цели.

П. Орловский

«Правда» № 76, 9 апреля 1919 г.

В. И. УЛЬЯНОВ-ЛЕНИН¹

Грозные эпохи исторических переломов рождают людей, которые как бы воплощают в себе душу переживаемого момента. Эти люди являются средоточием и носителями того нового, грядущего, высшего, которое борьбой пробивает себе дорогу и завоевывает себе право на существование. Таким человеком в нашу эпоху перелома от капитализма к социализму является Владимир Ильич Ульянов-Ленин.

Подобно какому-то сказочному дереву, пустил он могучие корни глубоко в толщу рабочей массы России, а верхушкой своей упирается в те заоблачные высоты, где нагромождены научные и культурные ценности, собранные человечеством в течение тысячелетий. К ужасу жрецов и хранителей этих ценностей, тащит он их непочтительно и бесцеремонно вниз, к питающим его корни массам, а в обмен — к еще большему ужасу этих священнослужителей — бросает в их тихие, лазурные высоты дерзкие и властные требования пролетариата.

¹ В. В. Воровский. Соч., т. III, стр. 355.

Не удивительно, что имя его стало символом освобождения рабочего класса не только России, не только Европы, но всего мира; не удивительно, что миллионы взоров, мыслей, чувств трудящихся земного шара стремятся в тот уголок мистического Кремля, где эти мысли и чувства миллионов таинственно претворяются умом и волей одного человека в боевые лозунги масс, в путеводные звезды мощных движений.

Какая же сила таится в этом одном избраннике, и как должны ценить и любить его те, кто признал в нем своего надежного вождя!?

Трудно представить себе более цельное сочетание в одном лице громадной мысли, могучей воли и великого чувства: Владимир Ильич как бы вытесан весь из одной глыбы, и нет в нем линий раскола. Все в нем сосредоточено, как бы пригнано к одной большой общей задаче—служению делу пролетариата и руководству им на пути к социализму. И с какой бы стороны вы ни подходили к нему, вы неизменно наткнетесь на ту же единую, но грандиозную идею, охватывающую его целиком и не оставляющую места другим интересам.

У Владимира Ильича большой *теоретический ум*; но не в этом его особенность. Главное то, что теория для него никогда не представляла самодовлеющей ценности, как для профессионалов-ученых. Он всегда смотрел на нее как на способ познания того мира, в котором живет пролетариат, с которым он борется и который стремится перестроить. И в этой тесной связи теоретической мысли с практическими задачами могучего революционного класса и создается та особая острота и меткость мысли Ленина, которая позволяет ему из всякого, с виду самого отвлеченного, положения выковать боевое оружие и поражать им противника. Здесь сказывается та скрытая духовная связь, которая существует между классом и его идеологом и благодаря которой идеолог молодого, восходящего революционного класса имеет в нем бесконечный источник духовного творчества.

Благодаря этому практическому, глубоко жизненному характеру теоретического мышления Ленина, благодаря этой духовной связи с массой он обладает удивительным даром *политического провидения*, т. е. способностью на основании частичных отрывочных, нередко субъективных данных намечать линию исторического развития на ближайшее время, определять перспективы движения, заглядывать вперед в «неисповедимые судь-

бы» будущего. Как сторожевой, стоящий на вышке, он издали замечает приближающиеся события и предупреждает о них своих соратников. Естественно, что при этом даре исторического предвидения и при глубоком чутье того, чем живет и что думает масса, Владимир Ильич является *блестящим политиком-практиком*. Он большой мастер схватывать потребности момента в форме какого-нибудь ясного лозунга, бросать в массы простые, понятные задания, которые не разрешают общих, больших вопросов, но дают ответ на злобу дня, идут навстречу назревшей сегодняшней нужде. Как опытный кормчий, быстрыми, ловкими движениями руля ведущий корабль по опасному, усеянному рифами фарватеру, так он этими практическими лозунгами и заданиями руководит стихийным движением массы, зорко наблюдая за тем, как массы отзываются на эти меры и в какой степени отдельные фазы движения соответствуют его общим тенденциям и целям. И как только какой-нибудь лозунг не оправдал ожиданий или исполнил свою задачу, кормчий так же быстро и умело делает новый поворот руля, бросает новый лозунг, толкая мысль и волю массы под другим углом. И эти смелые повороты руля бывают иногда так неожиданны, что даже близкие соратники Ленина стоят озадаченные, не зная, следует ли хлопать или протестовать. К счастью для нас, действительность разбивала всякие сомнения.

Можно подумать, что Владимир Ильич — деспот, схвативший в свои руки рулевое колесо и ни с кем не считающийся. Такое мнение было бы в корне ошибочным. Среди баловней судьбы, которым история давала такую громадную власть не только над людьми, но и — что в тысячу раз важнее — и над сердцами людей, не было еще ни одного, который так высоко ставил бы человека в государственной машине. На других людей он смотрит, как на себя: это бывает иногда людям не под силу, ибо он нередко переоценивает их, приписывает им такие же исполинские силы, какими обладает сам, и им горько, что они не могут оправдать его ожиданий. Но он никогда не примет решения, никогда не предпримет шага, пока не убедится, что это не просто его личное мнение, а выражение мнений многих из его соратников. Окружающие его и встречающиеся с ним часто даже не подозревают, как много их коллективных переживаний, их опыта в мыслях и решениях Владимира Ильича. И это умение собирать в себе, как в фокусе вогнутого зеркала, опыт

и знания многих и многих и претворять их в своей богатой умственной лаборатории в общие идеи и общие лозунги и составляет его редкую способность.

Но не является ли он в силу этих качеств сухим, тощим политиком, для которого живые люди лишь марионетки или шахматы? И этого нет. Владимир Ильич любит людей, с которыми работает и борется за общие интересы. Он проявляет много нежности и заботливости о них — той мужской нежности, которая избегает сладких слов и внешних знаков. Но и здесь он верен себе: как только человек покидает свой пост, как только он дезертирует из рядов борцов, он не существует больше для Ленина. Борьба за дело пролетариата в рядах Коммунистической партии — вот то основное, что определяет отношения Ленина к человеку; это та «истина», которая для него выше «друга Платона». И здесь мы вплотную подходим к той основной черте личной этики, которая так характерна и так привлекательна в Ленине. У него нет общего и частного, нет общественной жизни и личной жизни. Он и в этом выкован из одной глыбы. В общественную жизнь он ушел весь без остатка, спаяв с нею и свое личное существование. Вся его личная жизнь — рабыня его общественной деятельности. Здесь нет места внутренним противоречиям, трагедиям, компромиссам, — всему тому наследию мещанства, которое разбило не одну жизнь интеллигента-революционера. И эта цельность ставит Ленина на ту нравственную высоту, до которой даже клевета врагов бессильна подняться.

Дать характеристику Ленина — это значит писать и писать целые томы, ибо так много можно и хочется сказать об этом столь простом и цельном и в то же время столь разнообразном и сложном человеке. Но сейчас довлеет дневи высказать в нескольких строках те чувства преклонения перед величием человека и чувства нежности к товарищу и соратнику, которые испытываем мы все, работавшие и работающие вместе с ним в рядах Коммунистической партии.

В. Воровский

БИБЛИОГРАФИЯ

- В. И. Ленин.* Письмо к товарищам (к выходу органа партийного большинства). — Полн. собр. соч., т. 9, стр. 103—104.
- В. И. Ленин.* О большевизме. — Полн. собр. соч., т. 22, стр. 279—280.
- В. И. Ленин.* В. В. Воровскому. 24 октября 1919 г. — Полн. собр. соч., т. 51, стр. 70—71.
- В. Бонч-Бруевич.* На славном посту. М., 1931.
- В. Бонч-Бруевич.* На заре революционной пролетарской борьбы. М., 1932.
- Я. Ганецкий.* В. В. Воровский. М., 1925.
- В. Калашникова.* В. Воровский. М., 1927.
- Н. К. Крупская.* Воспоминания о Ленине. М., 1957.
- П. Н. Лепешинский.* На повороте. М., 1955.
- П. Н. Лепешинский.* Красивый финал красивой жизни. — «Пролетарская революция», 1923, № 3.
- А. Луначарский.* Вацлав Вацлавович Воровский как литературный критик. — *В. В. Воровский.* Соч., т. II. Предисловие. М., 1933.
- О. Матюшина.* Встречи. — «Звезда», 1966, № 11.
- Н. Мещеряков.* Литературная деятельность Воровского в Одессе. — «Печать и революция», 1928, № 1.
- М. С. Ольминский.* Большевицкая печать с 1905 г. — «Журналист», 1925, № 12.
- И. Верховцев.* Жизнь, отданная великому делу. М., 1959.
- Н. Пияшев.* Воровский. М., 1959.
- Н. Пияшев.* Вацлав Воровский (революционер, критик, дипломат). М., 1962.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Партии верен до конца	3
Партийный пропагандист и летописец революции	13
Публицистика факта и образа	26
Из публицистического наследства В. В. Воронского	38
Корабль-скиталец	—
Уроки жизни	42
Севастопольское одоление	48
В ночь после битвы	51
В кривом зеркале	53
Что же дальше?	55
Социал-демократия и рабочая масса	57
Рождение Третьего Интернационала	76
В. И. Ульянов-Ленин	81
Библиография	85

Белков А. К.

Б 43 Вацлав Вацлавович Воровский. М., «Мысль», 1971.

86 с. (Партийные публицисты. Ордена Ленина Высшая парт. школа при ЦК КПСС. Кафедра журналистики и литературы.)

Работой «В. В. Воровский» издательство «Мысль» начинает выпуск серии брошюр «Партийные публицисты».

Книга открывается кратким очерком жизни и творчества публициста ленинской школы. Показу мастерства Воровского, анализу его основных выступлений в печати посвящены две другие главы работы.

Книга содержит образцы из творческого наследия публициста, снабжена библиографией.

1-2-2
142-72

ЗКИ1(092)

Белков, Александр Константинович
ВАЦЛАВ ВАЦЛАВОВИЧ ВОРОВСКИЙ

Редактор	Л. Г. Севастьянова
Младший редактор	В. И. Шашагин
Оформление художника	В. И. Понтелеева
Художественный редактор	В. И. Харламов
Технический редактор	Л. В. Барышева
Корректор	Г. М. Ефимова

Сдано в набор 7 июля 1971 г. Подписано в печать 31 августа 1971 г. Формат бумаги 84×108¹/₃₂, № 2. Усл. печатных листов 4,62. Учетно-издательских листов 4,6. Тираж 25.000 экз. А11936. Заказ 3421. Цена 15 коп.

Издательство «Мысль».
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Московская типография № 8 Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров СССР,
Хохловский пер., 7.